

ИСКАТЕТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

СВЕТА

1985

Александр ТЕСЛЕНКО

ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Фантастическая повесть

1

С самого утра у Антона Сухова было такое просветленное настроение. Радостный он приехал в клинику, искусно и быстро прооперировал. Операция была сложной, но прошла удачно.

Из клиники Антон вышел не спеша и с удовольствием выша-

Художник Юрий МАКАРОВ

гивал по тротуару вдоль магистрали, под золотисто-багряными осенними кленами. Солнце светило всю после дождей, ливших непрерывно три дня. Сухов, сам того не замечая, улыбался, радуясь ясному дню. Легкий ветерок перебирал его шевелюру с проседью. Домой идти не хотелось.

«Вероники еще нет дома». Мысли о жене врывались сами собой.

Когда-то он искренне любил ее. По-настоящему. Это теперь приходится спрашивать себя, что такое — любить по-настоящему?

— Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять... — слышался за спиной знакомый мотив. Сухов обернулся, так и есть. Его догонял анестезиолог Митрофан Степанюк, — ...и одарять кого-то счастьем... Славный денек выдался, Антон. А?

— Осенний подарок галерным.

Между собой они называли друг друга галерными. Тяжело работать в клинике, знаменитой на всю планету. Зато не стыдно и сказать, где ты работаешь. Даже порисоваться, щегольнуть этим приятно. Трудно, но зато чувствуешь себя на переднем крае научного поиска.

— Возьмем машину?

— Торопишься? — спросил Антон.

— Нет. Но в такой день грешно терять время. Просто не верится, настолько великолепна погода. Приеду домой, а окна залиты солнцем. Заберу дочурку из садика. Томка сейчас пошешная. А там и жена придет...

Шагал Степанюк (был он кряжистым здоровяком) неуклюже, как казалось со стороны. Но Антон едва успевал за ним.

— Ну, берем машину? Или я вызову одноместную?

Вместо ответа Сухов остановился у ближайшего пульта магистрального селектора и нажал зеленую клавишу.

Машина остановилась возле них минуты через три. Открылась дверца голубого геликомобиля. Митрофан пропустил Антона:

— Садись, тебе дальше ехать, а я в центре сойду.

Они назвали адреса, и машина тронулась с места.

— Мы с тобой завтра не вместе работаем?

— Мог бы не напоминать про завтра, — раздраженно, но с улыбкой сказал Степанюк. — Завтра у меня Гирзанич оперирует...

Женщину с ребенком Антон заметил издалека. Почему-то припомнились ему маленький Витасик и Вероника... Как они с нею тогда были счастливы! Радовались каждому пустяку, как дети. Почему, как все улетучилось? Случались и раньше несогласия с Вероникой, даже ссоры, но Антон не сомневался — это лишь недоразумения. Прежде он не представлял себе жизни без Вероники. И в ее глазах видел отражение настоящей любви. Теперь же он начал думать, что все это ему прежде казалось. Но ведь ничто не исчезает бесследно. Какой-то шутник утверждал: если в душе поселилась ненависть, значит, были когда-то и зерна любви. Но сейчас даже ненависти в душе не чувствовал Антон.

— Остановимся... — неожиданно для самого себя приказал Сухов геликомобилю. — Подвезем женщину...

Степанюк недовольно пробурчал:

— Я тебя понимаю, красивая женщина, но ей куда ехать не нужно. Напрасно ты рыцарствуешь. Она гуляет с ребенком.
— Ты видишь, поблизости нет пульта магистрального селектора...

Женщина держала ребенка на руках. Стройная, в легком зеленоватом плаще, и сама словно сотканная из цветного воздуха, женщина стояла спокойно, неподвижно, но в то же время ощущались ее напряжение, волнение.

Машина остановилась метрах в десяти от нее. Сухов выглянул из салона и крикнул:

— Вас подвезти?

Женщина будто не слышала. Потом медленно обернулась, посмотрела на Сухова настороженно и боязливо, но сразу ответила громко:

— Да, безусловно. Большое спасибо, — приветливо улыбнулась (именно приветливо, но не благодарно, отметил про себя Антон) и уверенно направилась к машине.

Ребенок почему-то вдруг расплакался. Голос у него оказался неприятный, дребезжащий. Сухов подвинулся, и женщина села рядом.

— Тихо, Серафимчик! Тихо. Замолчи!

Пола ее плаща легла на колено Антона, а длинный золотистый локон, упав на плечо, щекотал ухо.

Геликомобиль тронулся и набрал скорость.

— Куда вам ехать? — спросила машина.

Женщина окинула взглядом все вокруг, странно улыбнулась:

— Мне с вами по пути, — сказала уверенно, будто знала, куда едут Антон с Митрофаном. — Ну-ну, тихо, Серафим! Что это с тобой?

А мальчишка никак не унимался. Сквозь плач он что-то говорил, но невозможно было понять ни слова. Полненький, розовощекий, в голубом комбинезончике.

— Так куда вам ехать? — снова спросил геликомобиль.

— Я скажу, где остановиться, — ответила женщина.

А малец на руках у нее орал — в ушах звенело. Антон и Митрофан иронически переглянулись.

— Как тебя звать, мальчик? — спросил Сухов, перекрывая капризный рев малыша. — Ты умеешь уже говорить?

— Меня зовут Серафимом, — совсем спокойно произнес мальчик. — Вы же слышали, как меня называла мама, а спрашиваете... — И заревел с новой силой.

— Сколько ему?

— Два, — неуверенно ответила женщина.

— Такой симпатичный мальчик, а капризный... Ах ты, капризуля... — Антон взял мальчика за ушко и слегка подергал, имитируя умиление, хотя Серафим и его противный голос раздражали его. — Я таких вредных всегда забираю с собой. Видишь, какой у меня большой портфель? Я специально ношу его. Слышишь, Серафимчик?

— Слышу?! Да ты все равно не заберешь меня! — воскликнул малец и раскричался еще громче.

Женщина, извиняясь, посмотрела на Антона и с наигранной беззаботностью произнесла, отчеканивая каждое слово:

— Так вот, сейчас я отдам тебя дяде. Мне не нужен такой плохой, непослушный мальчик.

— Остановите, пожалуйста, я сейчас выхожу, — промолвил Митрофан. — До завтра, Антон. Желаю получше провести этот день. — Он многозначительно улыбнулся.

Степанюк вышел из машины, за ним мягко закрылась дверца. Геликомобиль помчался дальше, а малыш горланил, умолкая лишь для того, чтобы перевести дыхание.

— Забирайте его, — заявила женщина. — Раз не слушается, забирайте. — И как бы машинально положила ладонь Антону на колено. Сухов сам не понял почему, но ему вдруг стало жутко.

— Хорошо, я заберу его, — сказал он, преодолевая неприятное чувство. Взял мальчика к себе на колени, внутренне приготовившись к дикому крику. Но Серафим спокойно перебрался к Антону, не изменив тональности своего плаксивого воя.

— Вот так, Серафимчик, — заявила женщина. — Ты не слушался меня, живи теперь с чужим дядей. Остановите, пожалуйста.

Геликомобиль покорно затормозил.

Антон Сухов не успел и опомниться, как золотоволосая женщина выскочила из машины и пошла по тротуару.

А Серафим моментально замолчал и облегченно вздохнул, заявив совершенно спокойно, не по-детски рассудительно:

— Ну, наконец-то...

Сухов никак не ожидал такого поворота событий. Он пытался скрыть свою растерянность и беспомощность.

— Тебе совсем не жаль расставаться с мамой?

Мальчик посмотрел на него сосредоточенно и многозначительно.

— Сейчас мы тоже выйдем, — громко произнес Сухов.

— Вас понял, — ответил геликомобиль. — Желаю всего доброго.

Сухов с ребенком на руках вышел из салона и осмотрелся вокруг. Женщина в зеленом исчезла, как растворилась. Но не приснилась же ему... Мальчуган-то вот он, приснившимся его не назовешь...

— Поставьте меня на землю! — властно приказал малыш. — Я умею ходить не хуже вас.

— Так что же нам делать? — произнес Сухов. — У тебя, малец, как бы это сказать... У тебя не очень-то разумная мамочка...

— Нормальная мама, — заявил Серафим. — Просто вы ее не знаете. Недостатки имеются у каждого. А моя мама очень устает. Пошли.

— Куда?

— Погуляем. Вон с той горки прокатимся для начала.

— Мне неудобно, — буркнул Сухов. — Там одни дети.

— Неважно. Дети тоже люди. Идем.

Маленькая кабинка пневматического лифта, смешно подергиваясь, подняла их на верх башни, откуда начинался пластиковый спуск. Он тянулся до самого конца парка. Сели, оттолкнулись, и сразу же их понесло, закружило, завертело на

виражах и спиралях, на замедляющих движение подъемах и внезапных, захватывающих дух спусках.

Когда они (наконец-то!) стояли на земле, Серафим оценивающе осмотрел Антона и сказал:

— Ну, разве плохо? То-то же! Но, знаешь, у меня оторвалась пуговка. — На его ладошке лежала голубая пуговица. — Я поймал ее на лету. Я молодец, Сухов? У меня мгновенная реакция.

— Да, ты молодец.

— Но теперь мне нужно ее пришить, — решил Серафим.

— Поехали ко мне домой. Подумаем, как разыскать твою маму. И пуговицу пришьем... У моего Витасика сейчас каникулы. А вечером Вероника, моя жена, придет, — сказал Антон.

— Я не могу с оторванной пуговицей знакомиться с людьми. Зайдем в какую-нибудь квартиру и попросим иголку с ниткой. Пошли!

В подъезде ближайшего от парка дома Сухов подошел к первой попавшейся двери на первом этаже, позвонил. Но никто не ответил. В соседних квартирах тоже никого не оказалось.

— Поднимемся выше, — предложил Серафим.

Сухов послушно подошел к лифту и вызвал кабину.

— На каком этаже выйдем?

— Все равно на каком, — ответил Серафим и нажал кнопку.

Но не успели двери закрыться, как появился какой-то человек.

— Подождите меня! — крикнул он и схватился руками за створки. Двери раздвинулись, запыхавшийся мужчина вскочил в кабину:

— Спасибо... Мне на пятьдесят восьмой...

И вдруг воскликнул удивленно:

— Антон?! Привет, какими ветрами?..

Сухов узнал своего одноклассника по школе, Василия Бора.

— Твой сынишка? — спросил Василий. — Ты здесь живешь?

— Нет, — улыбнулся Сухов, не зная, что сказать дальше. — Я не здесь живу и... сын не мой, а моей знакомой.

— В гости приехал?

— Да, в гости...

— Тебе на который?

— Мне? Мне на третий, — поторопился ответить Сухов, надеясь, что они с Серафимом выйдут, а Василий поедет дальше к себе.

— Как поживаешь? Ты все на том же месте работаешь? В той же славной концентрационной клинике? — Василий громко рассмеялся.

— Да.

Створки лифта раздвинулись на третьем этаже. Антон протянул руку попрощаться.

— Ты надолго к знакомой?

— Не знаю...

— Может, потом ко мне заглянешь? Посидим, поболтаем. Сколько мы не виделись?.. Моя квартира — сто пятнадцатая. Запомнишь?

Выйдя из лифта и подождя, пока Василий уедет, Антон пошел к ближней двери и позвонил. Дверь открылась. На пороге стояла старая худая женщина в сером с мелкими цветочками домашнем халате. Лицо желтое, с глубокими морщинами на лбу.

— Добрый день, — выдавил Сухов.

Тонкие губы старушки шевельнулись словно в приветствии.

— Галина дома? — как сумел беззаботнее спросил Сухов, назвав первое, пришедшее в голову имя.

Женщина пристальнее посмотрела на него, ее лицо еще больше сморщилось. Затем она взглянула на Серафима.

— Галина? — переспросила она удивленно молодым и звонким голосом.

— Да...

— Заходите, пожалуйста. Она давно вас ждет.

2

Старушка подождала, пока Антон с Серафимом пройдут, и торопливо закрыла входную дверь.

— Будем знакомы, — протянула руку хозяйка, — меня зовут Маргаритой Никопольной. Фамилия — Биос. А вас как?

— Антон Сухов... Но, простите меня, произошла ошибка...

— Ошибка? — подняла глаза старушка. — Почему вы так думаете?

— Маргошка, пришей мне пуговицу! — неожиданно вмешался в разговор Серафим. — Вот пуговка, держи.

Сухов готов был сквозь землю провалиться.

— В вашу квартиру я попал совершенно случайно...

Серафим снял комбинезон и, подпрыгнув, набросил его на плечо старушке. Та улыбнулась мальчику.

— Я сейчас прищью. А ты ступай в свою комнату, озорник.

Серафим убежал, даже не оглянувшись на Антона.

— Я должен извиниться перед вами...

— Неважно, можете не извиняться, — прервала его женщина, — если уже пришли и хотите видеть Гиату, или, как вы сказали, Галину.

Маргарита Никопольна взяла Антона под руку и направилась с ним в комнату.

— Вы можете мне не поверить, но я не знал, что...

— Заходите, пожалуйста. Я вас слушаю. Что вы не знали?

— Я не знал, что здесь живете вы и Галина... то есть Гиата.

— Правда? Какая интересная случайность...

Антон сразу же увидел в кресле возле окна ту златовласую женщину, с которой они ехали в машине. На ней было зеленое платье свободного покроя, волосы эффектно спадали на плечи. Антон услышал, как закрылась дверь. Оглянулся. Старушки в комнате не было.

Что это? Безумие? Шутка? Что-то вообще невообразимое! Но ни руки, ни лицо не выдали состояния Антона. Врач Сухов умел владеть собой.

В большой комнате возле окна стол и два кресла, на столе бумаги, штатив с пробирками и три небольшие реторты, газо-

вая горелка, маленькие аналитические весы, еще один штатив с какими-то реактивами, портативная пишущая машинка и прибор, похожий на кардиомонитор. Все стены в комнате заставлены стеллажами с книгами.

— Вас зовут Гиатой? — Сухов не нашелся спросить о чем-нибудь еще.

— Да. Я — Гиата. А вы — Антон Сухов, я слышала, как вы знакомились с моей мамой. Садитесь, — она указала взглядом на кресло.

Сухов медленно подошел к столу, остановился в напряжении.

— Как все это понимать?

Женщина тихонько рассмеялась.

— Что понимать?

— Вы хотите сказать, что я знал ваш адрес, а вы просто сидели дома и ждали, пока я натешусь с вашим Серафимом... Не так ли?

— Все случилось действительно не очень складно. Я прошу извинить меня, но... — Женщина улыбнулась какой-то заучено-кроткой улыбкой. — Но ко мне вы попали и вправду не совсем случайно. Не нужно волноваться. Никто из нас не сошел с ума. По крайней мере, вы можете поверить мне. Все в порядке, Антон. Можно мне вас называть просто на «ты»? Тебе плохо гулялось с Серафимом?

— Погуляли прекрасно, — процедил сквозь зубы Сухов, — но, может, вы все-таки объясните... этот спектакль?

— Это не спектакль. Надеюсь, что как врач и просто как умный современный человек без лишних комплексов ты не только все быстро поймешь и воспримешь, но и скажешь свое слово... Однако давай по порядку... Чудесный день сегодня. Разве не так? Сегодня у тебя рано закончились операции, ты торопился домой, и вдруг...

— Откуда вы знаете? — удивился Сухов.

— Все элементарно, Антон. Просто я читаю твои мысли. Но не торопись с умозаключениями. Хочешь кофе?

— Благодарю, не хочу.

— Напрасно отказываешься от кофе.

— Может, прекратим имитацию непринужденной беседы?

— Тебе неинтересно?

— Неинтересно.

— Почему? — Она так прелестно, так непринужденно улыбнулась, что у Сухова мурашки пробежали по спине. — А что тебя интересует, Антон? Скажи мне честно.

— Кажется, ты и сама знаешь круг моих интересов, — отчеканил Сухов каждое слово, тоже переходя на «ты».

— Не преувеличивай моих возможностей. — Гиата блеснула рядами ровных белых зубов. — Я могу многое.

— Кто ты?

— Гиата Биос.

— Это я уже слышал. Но, может, ты мне все-таки объяснишь?

Гиата снова лукаво улыбнулась.

— Зачем торопиться? Хочешь кофе?

— Да...

— Вот это уже лучше. Кофе — напиток бодрости. А торопиться не следует. У тебя такой прекрасный день сегодня. А ты такой взвинченный. — Гиата говорила неторопливо, спокойно, доверительно. — Чем ты испуган? Ведь ничего особенного не произошло... И тебе не пристало смущаться в присутствии... очень молодой женщины.

Сухов прикрыл веки.

— Почему ты подчеркиваешь: «очень молодой» женщины?

— Ну... Галантного кавалера, как вижу, из тебя не получится. Не будем распространяться о наших годах. Серафимчик! — Дверь в комнату почти сразу же открылась. — Принеси нам кофе.

Серафим вернулся очень скоро с небольшим подносом в руках. Лукаво подмигнув Сухову, он поставил поднос на стол.

— Милое создание! Не правда ли? — спросила Гиата, закинув рукой прядь волос за спину.

— Да... У тебя интересный сын...

— Сын? — рассмеялась Гиата.

— Разве не сын?

— Антон, а ты не хотел бы иметь такого же умницу сына?

Сухов подумал, что он находится в обществе психически больного человека. Гиата произвольным движением поправила платье, оголив колени.

— Кажется, ты знаешь им цену, — едко заметил Антон.

— По крайней мере, мне кажется, что колени у меня вполне пристойны. Разве не так? Но почему ты заговорил о них?

Сухов понял свой промах; мог бы и не обращать внимания на это, якобы невольное движение.

— Послушай, Гиата, ты, должно быть, плохо читаешь мои мысли...

— Ошибаешься, Антон, именно таким я тебя и люблю.

Это «люблю» прозвучало для Сухова точно выстрел. Он решил немедленно уйти, оставив эту психопатку со всеми ее ретортами, осциллографами, серафимами... Но, сам не зная почему, он улыбнулся и спросил:

— Любовь с первого взгляда?

— Не будем считать мои взгляды, Антон. Можно сбиться со счета.

— Ты хочешь сказать, что наша встреча не случайна?

— А разве в этом мире есть что-нибудь случайное? Буквально все от чего-то зависит, чему-то подчиняется. Вот и наша встреча запрограммирована.

— Тобой запрограммирована?

Гиата удовлетворенно улыбнулась.

— Антон! — сказала Гиата, и с ее лица исчезла маска приветливости. — Ты ведешь себя как мальчишка! Откровенно говоря, я немного разочарована. И почему ты не пьешь кофе? — Последние слова прозвучали почти как приказ.

Антон действительно смотрел на Гиату с нескрываемым раздражением и неприязнью.

— Если ты ждешь, что...

— Пей кофе, — произнесла Гиата вновь коротко и миротворно. — Хочешь, я включу музыку? Что ты любишь?

— Ничего.

— Тебе плохо со мной? — спросила она тихо, с интимной грустью. — Ты хандришь... Скажи, я причина твоего раздражения? Антон, ты только скажи, какую ты хочешь видеть меня, и я стану такой...

— Ты давно была у психиатра?

— Спасибо за откровенность. Но ведь ты сам пришел ко мне. Я не звала, не приглашала. Видимо, какой-то мудрый случай predeterminedил нашу встречу.

— Рассчитанный тобою?

— Оказывается, ты совсем не понимаешь шуток. Ну как я могу рассчитывать? Я обыкновенная женщина... Ну, не совсем ординарная. Но... кого теперь удивит умом, способностью мыслить... А нашему знакомству мы обязаны моему Серафиму, он большой шутник...

Сухов с тоской вспомнил о жене, о детях. С радостью подумал о завтрашнем дне. В который уже раз захотелось уйти. Но все сидел, что-то удерживало его.

3

Антон Сухов выбежал на магистраль и остановил геликомобиль. Было далеко за полночь. Он сидел в кабине машины совершенно опустошенный. Вспомнил Веронику, она, безусловно, спит уже. И дети тоже. О Гиате старался не вспоминать.

Хотелось спать, но в утомленном теле преобладало нездоровое возбуждение. Антон, закрыв глаза, дремал, как частенько случалось на ночных дежурствах, — сторожко, продолжая все слышать, чувствовать. Нередко засыпал так и дома, в кресле возле стола. И лишь когда бывал переутомлен до крайности, ему требовалось полное расслабление — провалиться на несколько часов в пропасть полного забвения.

— Простите, — сказал геликомобиль. — Я не заметил, что вы задремали. Резко затормозил...

— Все в порядке, — буркнул Сухов.

— Кажется, в вашем доме пожар, — сообщил геликомобиль.

— Что-о?

Антон сам открыл дверцу. Быстро вышел из кабины. В ночных сумерках, тускло освещенных редкими фонарями, увидел, как из форточки на втором этаже валит дым. Антон знал: в той квартире живет старая Наталья. Фамилии он не помнил, но хорошо знал эту женщину — одинокую, всегда бодрую.

Антон выпрыгнул из геликомобиля и тут услышал завывание пожарных машин. Биокиберы-пожарники быстро полезли вверх по телескопической лестнице.

Наконец пламя унялось. Все четче становились очертания фигур пожарников. Один из них крикнул из окна:

— «Скорую помощь» вызвали?

Антон вдруг вспомнил, что он врач, побежал к дому.

Дверь квартиры была распахнута. Сухов переступил порог. Биокибер ослепил его фонарем и загородил проход.

— Я врач. Живу в этом же доме.

Пожарник направил луч в комнату. На полу лежала Наталья. Антон сразу понял: врач ей уже не нужен.

Он огляделся: дверцы шкафа открыты, книги выброшены на пол. Очевидно, Наталья старалась погасить огонь. В комнате стоял тошнотный запах мокрого пожарища и горелых волос.

— В какой вы квартире живете? — спросил пожарник.

Антон ответил.

— Вы ее хорошо знали? Понимаете ли, здесь такое дело... Очень похоже на самоубийство. Противопожарное устройство сознательно заблокировано. Точнее — выведено из строя...

Войдя в свою квартиру, Сухов долго непослушными пальцами переобувался. Проходя мимо детской комнаты, споткнулся о пушистый коврик перед дверью, разбудил сына.

— Это ты, папа?

— Да, это я, сынок.

— Опять ты поздно... Включи свет.

— Не нужно, Аленка проснется.

— Папа, ты не брал дистанционный пульт от Антика?

— Нет, не брал. А ты занимался сегодня математикой?

— Да... Но без Антика скучно. Ты не знаешь, где пульт?

— Не знаю, спи.

Вошла Вероника, сказала сердито:

— Зачем беспокоишь ребенка? Думаешь лишь о себе.

— Наталья сгорела, — сказал он чуть слышно.

— Какая Наталья?

— Та, из нашего подъезда.

— Когда?

— Я только что из ее квартиры,

Не глядя на жену, Сухов пошел в свою комнату.

4

Загадочное космическое тело было обнаружено совершенно случайно. Строго говоря, не тело, а изменение на одной из спектрограмм. Поначалу этому не придали должного значения, приняв за дефект изображения. Профессор Виктор Гар сделал контрольные снимки, и все поняли — службе околосолнечного пространства предстоит работа.

Микола Сухов — брат Антона Сухова, академик, член Высшего Совета Земли, — срочно связался с Козубом — заместителем председателя Европейского филиала Совета. Выслушав Сухова, тот немедленно вылетел в расположение третьей лаборатории.

— Как долго этот объект находился на земной орбите? — спросил Козуб.

— Полагаю, сравнительно недавно, — ответил Сухов.

— Не уверен, коллега, совсем не уверен...

Козуб уселся поудобнее в глубокое кресло, пригладил рукой седые пряди волос:

— Не исключено, что мы имеем дело с гостями из далеких миров, которые почему-то скрываются от нас. Согласитесь: имея добрые намерения, незачем прятаться!

— Но ведь им неизвестны наши намерения, — улыбнулся Виктор Гар. — Помните, казус с центурианами? Они были прекрасно информированы о земной жизни и могли не бояться.

— Негостеприимство? — профессор хрипло засмеялся. — А какими были осторожными, до смешного.

— Да, помню. И мне все понятно. Но не нравятся мне эти детские забавы с искривленным пространством. Меня это, откровенно говоря, раздражает... Видимо, старею. Когда человек теряет любовь к играм, он уже стар. Не так ли? — Козуб достал сигарету и щелкнул зажигалкой. — Придется нанести им визит.

Двенадцать минут спустя они стартовали со взлетной площадки экстренной спецлинии. Заместитель председателя Высшего Совета молчал, устало прикрыв глаза, массировал себе надбровья.

— Почти не спал этой ночью. Поверите ли, просто зачитался. Воспоминания о Редине... Однако сближаемся! Внимание! — Козуб напряженно всматривался в экран внешней панорамы.

— Я их вижу! — воскликнул Гар. — Предлагаю подойти как можно ближе. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Потом мы так и сделаем. А сперва пройдем мимо. Сделаем вид, что мы их не заметили. Интересно, как они на это отреагируют? — возразил Козуб, включая систему автоматического управления полетом.

Участок дрожащего пространства на экране быстро уменьшался.

— Смотрите, они переходят на другую орбиту!

— Я попытаюсь сигнализировать им. — Виктор Гар положил руку на пульт, включил периодические световые сигналы, затем перешел на сигналы когерентными лучами, прошелся по всем каналам радиодиапазона.

На следующем витке он повторил все сначала.

Глаза профессора возбужденно блеснули, он напряженно ждал, что гости вот-вот выключат защитное поле, и глазам землян явится чужой корабль.

Вдруг космический объект ожил, запульсировали вспышки голубого сияния, и он, резко увеличив скорость, устремился в открытый космос.

5

Сухов позвонил, почему-то думая, что, как и в прошлый раз, дверь откроет старушка. Но перед ним появилась сама Гиата. Она была в рабочем комбинезоне и фартуке с пятнами от какой-то розовой жидкости.

— Ты работаешь? — спросил Сухов.

— Я всегда работаю. И в любое время могу не работать. А почему ты спрашиваешь? А-а-а, тебя смутила моя одежда...

— А где твои мать и сын? — сам не зная зачем, уточнял Антон.

— Ты хочешь их видеть? Серафимчик спит. Я его уложила с полчаса назад. И мама отдыхает. Но я могу разбудить, если хочешь.

— Нет, нет, не нужно. Я просто...

— Вот ты какой. Спрашиваешь просто так, — лукаво сказала

женщина. — Или зашел немного развлечься?.. Но это не в твоём характере.

— Если ты работаешь, я не стану тебе мешать.

— Заходи. Мне очень хочется, чтобы тебя здесь ничто не смущало, — улынулась Гиата. — Мы почти коллеги: ты — врач, я — биолог. Помнишь, я как-то рассказывала о своей работе... Садись, пожалуйста. В то же кресло, где сидел прошлый раз. Мне кажется, что ты из тех людей, которые быстро привыкают к необычным ситуациям...

— А где традиционный кофе? — пытался бодриться Антон.

— Сейчас принесу.

Гиата торопливо вышла. Антон подумал: «Зачем я пришел?» В глубине души ловил себя на мысли, что пришел только потому, что Гиата — очень красивая женщина...

— Ты не скучаешь? — Она вошла, неся кофе на подносе.

— Нет, нет.

— А ты все же любишь этот напиток? — спросила Гиата, глядя Сухову прямо в глаза, словно от этого зависело что-то очень важное.

— Люблю ли я кофе? — удивленно переспросил Антон и вдруг вспомнил слова Гиаты. — Бесспорно. Ведь все существует в этом мире только для того, чтобы его любили.

— О, ты быстро проникся моей философией! — рассмеялась Гиата.

— Точнее было бы сказать, что я предпочел все на свете любить, чем все — ненавидеть... Мне кажется, что и ты рассуждаешь так же. Не правда ли?

— Не совсем... Но близко по смыслу... Ты мне нравишься, Антон. Пей кофе.

— Знаешь, Гиата, я все больше убеждаюсь, что ты не безумная.

Гиата расхохоталась.

— Но до сих пор я и не подозревал о существовании таких... людей.

— Таких женщин — хотел ты сказать.

— Мне кажется, что такими, как ты, могут быть и мужчины.

— О-о! Откуда тебе это известно, Антон? Ты не ошибаешься, могут быть и мужчины... А знаешь, Антон, откровенно говоря, я очень сомневалась, что ты придешь ко мне сегодня. Но ты молодец. Я тут затеяла одну работу. Поможешь мне?

— Посмотрим.

— Садись, пожалуйста, ближе к столу. Я займусь своими делами, а ты сначала только смотри, что я делаю... Эксперимент. Очень интересный эксперимент.

— В чем он заключается?

— Это трудно объяснить словами. Иногда лучше промолчать, чем говорить о сложных вещах примитивно. Правда? Со временем я тебе все расскажу.

Над письменным столом была, по-видимому, ниша за небольшой дверцей. Гиата открыла ее, и в пристроенный рядом желобок выбежало длиннохвостое серенькое существо, похожее на большую мышь. Гиата ловко подхватила ее за все четыре лапки, погладила за ушком и поднесла к мордочке гибкий

шланг от розового баллона. Под столом стояли три баллона: черный, розовый и серый. Условное обозначение красок Сухов знал по операционной: углекислый газ, циклопропан, закись азота.

Мышка быстро затихла, а Гиата, взглянув на Сухова, сказала:

— Усыпаю, чтобы не метались. Кровь разбрызгивают. А ты, я вижу, скучаешь. Мог бы и помочь. Это же твоя профессия.

— Не сказал бы, — буркнул Сухов.

— Ты чем-то недоволен?

Гиата положила сонного зверька на большую доску, взяла скальпель, быстро отрезала голову. Туловище Гиата небрежно смахнула в ящик для мусора, стоявший рядом. Несколько капель крови попало на фартук, и Гиата вытерла их небрежно зеленым платком. На фартуке добавились розовые разводы. Антона удивило, что все это делается в той же комнате, где Гиата, очевидно, и спит. Угадав мысли Антона, женщина сказала:

— Нужно будет попросить специальное помещение для лаборатории... Я слышала, что вчера в том самом доме, где ты живешь, освободилась одна комната. Это правда?

— Какая комната? — переспросил Сухов, но тут же сообразил, что речь идет о квартире Натальи.

— Небольшая комната. В ней жила одинокая женщина... — пояснила Гиата.

— Да, и сгорела...

— Кажется, так. Но не это важно. Я сразу подумала: следует попросить именно эту комнатку для моей лаборатории.

— А почему ты работаешь не в институте?

— В каком институте? — усмехнувшись, спросила Гиата. Она приоткрыла дверцу в стене и ждала, пока выбежит очередной зверек.

— Но ты работаешь где-то?

— Я работаю дома, Антон. И ни с каким институтом свою судьбу и творческую энергию связывать не желаю. Я привыкла всегда чувствовать себя абсолютно свободной. Во всем!

— Может, ты и училась дома, по индивидуальной программе?

— Совершенно верно. Ты очень догадлива, Антон. Я училась дома. Имею уже несколько научных открытий в области биологии и кибернетики...

Гиата привычным движением опустила зверька на доску, взяла нож, продолжая говорить с Антоном:

— Вполне возможно, что мы станем соседями... Она была старой?

— Кто?

— Та женщина, которая сгорела.

— Да, она была старой.

Взяв маленькую ложечку, Гиата начала выбирать мозг из отсеченной головки.

— Ты рад, что мы будем соседями?

Сухов промолчал, лишь удивленно посмотрел на Гиату.

— Симпатичные эти существа, правда? — спросила растроган-

но и, не ожидая ответа Сухова, продолжила: — Они такие кроткие, такие чистюли. И мозг у них очень приятный на ощупь. Вот попробуй. — Она протянула Антону ложечку с мозгом.

Сухов отшатнулся.

— Зачем тебе все это?

— Я объясняла уже. Об этом долго рассказывать, и не время пока. Одним словом, этот мозг нужен для одного препарата.

— Понятно...

— У тебя красивая жена?

— Что-о?

— Спрашиваю, красивая ли твоя жена?

Лицо и шея Сухова покрылись холодной испариной. Он достал носовой платок и вытер лоб, щеки.

— Самое время поговорить о моей жене...

— А почему бы и не поговорить? Ты любишь детей?

— Да, — скупо ответил Сухов, еще раз вытирая лицо. Он уже пожалел, что пришел к Гиате.

— Детей вообще или только своих?

— По-твоему, это существенное разделение?

— Существенное, — сказала Гиата. — Мне интересно, что в тебе превалирует — индивидуальные или общественные чувства.

— Зачем это тебе нужно?

— Мне сейчас ничего не нужно, кроме моих дорогих, милых, симпатичных мышек. Какие прелестные существа! Правда, Антон? — И она стряхнула следующую порцию мозга в стаканчик. — Они такие смиренные, безобидные, ты просто сухарь, настоящий цивилизованный сухарь. Я вижу, ты не способен воспринимать красоту, не способен наслаждаться жизнью... А она так прекрасна...

Гиата заглянула внутрь маленького черепа, что-то там высматривая, и вдруг спросила:

— Антон, ты счастлив?

Сухов внезапно почувствовал тошноту, подступающую к горлу.

— Да, безусловно, я очень счастлив... Но, знаешь... мне надо идти. Я забыл, что обещал одному товарищу встретиться с ним. И виною этому ты, Гиата. — Антон попытался беспечно улыбнуться, и это удалось. — Загляделся на твои чудные золотистые локоны и обо всем забыл.

«Что за вздор я горожу? Зачем? Теряю чувство реальности. С ума схожу... Нет, я ее боюсь. Должен скорее уйти. Сбежать?! Да!»

— Ты хочешь уйти?

— Да, меня ждут... Ты уж прости, Гиата.

Она закрыла за ним дверь, помедлив, вернулась в комнату, взяла со стола металлический стаканчик и с жадностью выпила его содержимое.

6

Сухов долго не мог уснуть. Чем больше он убеждал себя в необходимости отдохнуть перед напряженным операционным днем, тем дальше убегал от него сон. Перед глазами, словно изображение на воде, колебалось лицо Гиаты Биос — красивое

женское лицо, на которое он смотрел с наслаждением и за- таенным страхом одновременно. Он не мог объяснить причину своего страха, но страх этот жил, не поддаваясь анализу, и от этого казался Сухову еще более мерзким и коварным.

«Кто она, эта женщина? Неужели просто-напросто больная? Что ей нужно от меня? Она упорно добивается чего-то. Взять, к примеру, наше странное знакомство, когда Серафим — вундеркинд-малыш — непонятным образом заставил меня зайти в гости к Гиате... Причудливый ряд не менее причудливых событий. И почему я потом не видел Серафима? Да и сама Гиата довольно странно относится к нему — сын ли он ей? Если нет, то кто же тогда?»

В тяжком полусне черты лица Серафима постепенно удли- нялись, обезображивая его, и приняли подобие морды щенка, не обросшей шерстью, с умными, пытливыми глазами. Сухов дернулся в постели от столь неожиданного видения, но оно не только не исчезло, а начало дополняться подробностями. Изо рта Серафима вывалился большой язык, послышалось ча- стое собачье дыхание. На полуморде-полулице вспыхнула яз- вительная улыбка:

«Ну, Сухов, вот так ты сможешь? — он сложил язык трубоч- кой. — А вот так? — Щенок начал махать большими ушами. — Ничего путного ты, Сухов, не умеешь!»

«Глупец ты, Сухов! — внезапно послышался голос Гиаты. — Ничуть не умнее Натальи, твоей сгоревшей соседки».

Мурашки пробежали по спине Сухова. Вспомнились слова пожарника в ту жуткую ночь: система противопожарной защи- ты оказалась заблокированной. А сама Наталья лежала на по- лу... Самоубийство?.. Антону не верилось. Он достаточно хо- рошо знал свою соседку. Наталья иногда консультировалась у Сухова, Антон же частенько пользовался ее прекрасной би- блиотекой.

Никогда Сухов не видел Наталью даже печальной, она пря- мо-таки излучала бодрость или какую-то живительную энергию. Рядом с нею приятно было находиться, приятно разговари- вать.

Одним словом, Сухов не мог поверить, что Наталья сама ушла из жизни... Но утверждать однозначно тоже не мог.

Серафим смеялся, размахивая длинными ушами:

«Наталья быстро сгорела. Она почти не мучилась. Правда, Гиата?»

«Правда, Серафим. Такие, как она, никогда не мучаются. Они всему радуются», — сказала Гиата и вдруг истерически захо- хотала.

7

Экстренное заседание Высшего Совета Земли состоялось в большом зале. Но приглашенных было всего одиннадцать человек. Все свободно разместились за круглым столом. Си- дели немного смущенные перед пустым залом, ожидая пред- седателя Высшего Совета — Ирвина. Никто не мог понять, зачем он собрал их именно здесь, а не в своем кабинете.

— Дорогие друзья, уважаемые коллеги, ученые! — обратился

к присутствующим Ирвин. — Я понимаю, что сказанное мной вызовет у вас удивление. Тем не менее призываю самым серьезным образом отнестись к информации. Мой европейский заместитель академик Козуб обратил внимание на весьма удивительные явления, которые в последнее время начали распространяться по всей Земле. Речь идет о многочисленных случаях психозов, а также о массовом появлении на планете не просто вундеркиндов, а детей с фантастически ускоренным метаболизмом. Об этом более подробно доложит сам академик Козуб.

Юрий Георгиевич Козуб поднялся, поправил прядь волос.

— Уважаемые коллеги. Несколько дней назад мы заметили на околоземной орбите объект, замаскированный искривленным пространством. Посмотрите на фотографии, спектрограммы и гравитограммы одного и того же квадрата. Вот гравитограммы, сделанные с борта «Роляра». Думаю, ни у кого не вызовет сомнения то, что объект искусственного происхождения. — Юрий Георгиевич медленно обводил лучом световой указки наиболее важные места на большом экране, где проецировалось изображение. — Можно, конечно, допустить что-либо сверхфантастическое, к примеру, неведомый науке фактор, приводящий к подобному искривлению пространства, но придется отбросить эту мысль. При нашей попытке приблизиться к нему и неизвестный объект сначала перешел на более удаленную от Земли орбиту, а потом и вовсе умчался в открытый космос. Есть основания утверждать, что массовые психозы, наблюдаемые на Земле, связаны с пребыванием на орбите неизвестного космического объекта. За последнюю неделю я посетил видных психиатров и сопоставил истории болезни многих людей. Имею в виду именно те психозы последних лет, которые у разных больных схожи, как две капли воды. Сейчас познакомлю вас с одной из фонозаписей. Это копия разговора врача с молодым инженером, обратившимся за помощью.

Козуб нажал на пульт клавишу. В зале необычайно живо слышались голоса:

«Сколько вам лет?»

«Двадцать восемь исполнится через три месяца».

«А вид у вас — восемнадцатилетнего».

«Это меня не утешает, доктор. Мне нужно с вами посоветоваться. Можно иметь вид восемнадцатилетнего и выбиться из колеи, спятить с ума».

«Вы женаты?»

«Нет. Мы с Луизой собирались еще в прошлом году... Но после того, как со мной началось... Я боюсь...»

«Слушаю вас».

«Впервые он пришел ко мне года полтора назад. Точно не помню. Тогда я не придавал этому значения. Сон, да и только. Но на другую ночь он снова пришел. И сказал то же самое, слово в слово».

«Что именно?»

«Он сказал: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?»

«Как выглядел ваш ночной визитер?»

«Худощавый мужчина в респектабельном костюме неопреде-

ленного цвета, землистое, морщинистое лицо. Во вторую ночь я тоже не испугался, но помню, что и во сне удивился. Это надо же, думаю, чтобы сны так повторялись. Ничего не ответил тому худощему. Проснулся, выкурил сигарету. И в третью ночь... Вроде бы шел я по степи, а он выходит из густой травы навстречу: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?» Я взорвался: «Какого черта ко мне пристал?!» А тот заулыбался: «Наконец-то ты заговорил. А мне казалось, что ты и впрямь меня не слышишь». Положил мне руку на плечо и спросил: «Как тебе живется?» — «Спасибо, — говорю. — Кто вы такой?» — «Твой друг».

«Тот человек похож на кого-то из ваших родных, знакомых?»

«Нет! Нет! Он вообще не похож на живого человека. Он искусно изготовленный манекен».

«Понятно. Рассказывайте дальше».

«Понимаете ли, доктор, мне больше не о чем рассказывать».

«Он не сказал, как его зовут?»

«На мой вопрос об этом он ответил: «Называй меня маргоном».

«Называйте его маргоном, так будет проще».

«Я его маргоном не назвал ни разу. И не назыву!»

«Вот как? Простите».

«Тот человек начал со мной разговор о Луизе. Я спросил, откуда он знает о моей дружбе с ней. А он заявил, что знает обо всем, что происходит и что произойдет в будущем. А потом сказал: «Кстати, она больна, у нее спарасис». — «Она мне не говорила об этом». — «Скажет, когда уже не сможет скрывать». Я отвечал ему что-то, а сам, понимая, что это сон, силился проснуться. А потом тот говорит: «Я знаю, что тебе нужно от жизни. Оставь свою Луизу. Мы дадим тебе все. Без Луизы... Ты сможешь иметь сына или дочь, кого захочешь. Скажи только, что ты их полюбишь и воспитаешь сам, и завтра же утром станешь счастливым отцом. Не волнуйся ни о чем, ни у кого не возникнет даже вопроса, откуда у тебя появились... появился младенец».

Юрий Георгиевич выключил фонозапись.

— Это лишь небольшой фрагмент. Но достаточно красноречивый. Для всех этих странных психозов характерно то, что воображаемый человек неопределенного возраста, худощавый, называет себя маргоном и так или иначе предлагает «взять на воспитание», «усыновить», «родить», «найти» ребенка. Следует отметить, что каждый раз маргоны играли на самых лучших человеческих чувствах. За прошедшую неделю я ознакомился с бесчисленным множеством людей, пересмотрел множество видео- и фонозаписей и сейчас демонстрирую вам самые характерные, типичные. Сейчас приведу несколько страничек-копий из одной, не случайной, истории болезни.

На экране появился текст:

«Санитарной машиной СГ-16-д-5 больная доставлена в стационар. Возбуждена, делала много лишних движений, бредила, о себе ничего конкретного рассказать не сумела, много рассуждала на общие темы, от осмотра категорически отказалась.

При дальнейшем обследовании соматических отклонений не выявлено. Больная много времени проводит в постели. Неспособна

койна, с подозрением оглядывает окружающих. В первый день лежала спокойно, шепча что-то неразборчивое, потом вскочила с кровати, надавала пощечин соседке и затем умиротворенная возвратилась на место. Правильно называла дату, когда ее привезли к нам, однако не могла долго понять, где она.

По словам самой больной, она может «вызвать» для беседы любого человека на планете, может «лечить гипнозом на расстоянии», может предсказывать будущее и тому подобное. То и дело к чему-то прислушивается, что-то шепчет. Сама себя считает исключительно одаренной личностью, но, «к сожалению, не может спасти планету от надвигающейся катастрофы. Гибель близка». На вопрос, о какой катастрофе она говорит, отвечает: «Увидите сами. Изменить ничего уже нельзя. Мы проиграли». На втором месяце болезни она имитировала роды: принимала характерные позы, требовала, чтобы весь персонал приготовился, и кричала: «Я должна родить маргона!»

Юрий Георгиевич отключил проектор, экран погас.

— Если бы не последняя фраза о маргоне, эти строки можно было бы принять за выписку из обычной истории болезни. Шизофрении. Произошла уникальная случайность, что среди сотен историй болезней, в основном однотипных, я натолкнулся как раз на эту и интуитивно заинтересовался личностью больной. Скажу сразу — это Луиза Хенкель. Да, та самая Луиза, о которой говорилось в предыдущей фонозаписи. Санитарную машину за Луизой вызвали случайные люди, которых удивило поведение молодой женщины; она стояла на берегу реки и кричала: «Алло! Алло! Говорите громче! Я вас плохо слышу!» Когда Луизу насильно привезли в больницу, у нее нашли записную книжку, а в ней — что-то вроде дневника. Записи ее оказались для врачей лишним подтверждением ее болезни, а для меня... Вот посмотрите хотя бы одну страничку:

«...он опять приходил. Я уже боюсь засыпать. Иногда кажется, что схожу с ума. Избегаю встреч с Игорем. В прошлом году мы решили пожениться, но я сознательно оттягиваю срок, жду, чем все закончится... Прошлой ночью он говорил: «Скажи Игорю, что больна спарасисом. Должна же ты проверить его чувства. Если любит — не испугается...»

— Вот такая запись, — продолжал Юрий Георгиевич, — для меня она поставила точку в спорах о природе неопознанных психозов. Бессмысленно искать физические, химические, иные факторы. Налицо коварное сознательное вторжение. А в случае с Игорем и Луизой наблюдаем типичную провокационную игру. Надеюсь, нет необходимости что-то еще объяснять?

Юрий Георгиевич, замолчав, обвел взглядом присутствующих.

— И еще одно. Появление небывалого числа вундеркиндов в последние годы тоже следует связать с пребыванием на земной орбите неведомого объекта. Думаю, это тоже возражений не вызовет. Вундеркиндами займемся самым серьезным образом, активно, но осторожно, с пониманием возможной их агрессивности. Об усилении патрулирования по всей Солнечной системе и о немедленном создании специальной комиссии говорить тоже не приходится, это понятно...

— Тебе не кажется, что мы совсем разленились? — Дирар вздохнул и скатился с полукруглого сиденья.

— Отдыхать не только приятно, но и необходимо. Отдых — неременная часть и продолжение работы. К тому же, откровенно говоря, с каждым годом я все меньше верю в успех.

— Напрасно, все прекрасно задумано.

— Но слишком медленно развивается. На этой планете нам не везет.

— Вызвать тебе замену? Ты устал?

— Устал от пятилетнего безделья? — Мар громко рассмеялся и сплел все верхние щупальца вместе, смеялся долго и неудержимо, так, что все три глаза затянулись пленкой.

— Я не сказал ничего смешного.

— Безусловно, — согласился Мар и тут же успокоился. — Не смеялся бы, скажи ты что-либо остроумное. Зачем смеяться, когда и так смешно? А вот когда тебе хотят окончательно испортить настроение, можно и посмеяться. Не так ли, коллега?

Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы обижаться, споря.

— Ну, согласишься же, Мар, что все-таки наш эксперимент проходит вполне успешно.

— Ты кого убеждаешь? Меня или себя? Я уже распух от неудач и просчетов.

— Никаких неудач я не вижу. Просто очень затянулся эксперимент... С землянами ужасно трудно работать.

— С ними просто невозможно работать! — закричал Мар. — Я начинаю терять контроль над собой после каждого переворота, после каждой встречи с ними. Большинство землян научились читать мои мысли. Это меня обезоруживает. Я уже не знаю, кто на кого больше воздействует — мы на них или они на нас?

— Оставь, ты всегда склонен преувеличивать. Никто из землян понятия не имеет о нашем с тобой пребывании на орбите.

— Пять земных лет! — кричал Мар. — Ничего себе — пребывание!

— Не вопи!

— Быстрой и блистательной победы не получилось. наших каров не берут, по крайней мере в том количестве, которое могло бы обеспечить успех. К тому же я не уверен, обошлось ли недавнее происшествие. Вне всякого сомнения — нас заметили. И вполне возможно...

— Нет, они не станут атаковать. Ведь мы не проявляем агрессивности. — Маргон зловеще рассмеялся. — Нужно выйти и подробнее узнать, что они о нас, невидимых, думают...

— Четвертый у Гиаты еще не обозначился?

— Кажется, еще нет. Крепкий орешек. Но Гиата его приручит.

— Так говоришь, будто бы это все кардинально решит. Нет надежды на быстрое приручение врача, а чтобы выйти на его брата, который в Высшем Совете, нам и жизни не хватит.

— Замолчи! Или я доложу Чару о твоей деградации.

— Попробуй, попробуй. Хотел бы я посмотреть на тебя пос-

ле этого. Ну, ладно, хватит. Просто мы оба вконец обленились.

— Нашей вины в этом нет. После того как нас заметили, нам просто необходимо было затаиться на некоторое время. Вот мы и отлеживались без дела. И не нашли ничего лучшего, как поссориться.

— Кажется мне, что мы несколько беспечны. Перед этой планетой мы практически безоружны.

— Не думаю. Если не окажется выхода, можно даже выйти на контакт. Но пока для нас единственным законом жизни остается приказ Чара: сохранить в полной тайне наше пребывание на орбите.

— Чар далеко, а мы, к сожалению, можем рассчитывать только на собственные силы.

— Безусловно. Очень жаль, что земляне находятся на высокой ступени развития. Не было бы никаких проблем, если бы они пребывали в дикости. Но что поделаешь... Мы запоздали в наших поисках.

— Да и кары появились у нас сравнительно недавно. А без них очень трудно колонизировать планеты, даже населенные дикарями. Ну а с карами мы и здесь справимся. Год-полтора, вот увидишь, и все произойдет так же, как на Дираузе — тихо и мирно.

— Да, если мы удачно выполним программу, расширим владения Чара, наши владения. Героями станем. Все у нас будет.

— Конечно, пока не прилетят наши. А когда они освоятся, то и здесь придется ограничиться заслуженным Бункером Счастья.

— Можно опять отправиться в поиски новых миров для Великого Чара. Согласись — пока что-то ищешь, до тех пор и счастлив.

— Мы с тобою уже постарели. Успеть бы пустить корни здесь.

— Напрасно так рассуждаешь. Да что впустую болтать. Скоро мы встретимся с Гиатой и Ровичем. Да и всем остальным следует больше уделять внимания. Тем более после нашего вынужденного безделья. К Гиате, пожалуй, я выйду в ближайшее время. А может, ты?

— Деградируем мы с тобой. Разленились. Слишком вжились в образ землян, земной антураж. Сами едва в землян не превратились!

Дирар рассмеялся, оттолкнулся сразу тремя нижними конечностями и сделал красивый пируэт.

— Уменьшить бы еще немного гравитацию, не возражаешь? Ты же знаешь, как мне нравится невесомость.

— Оставь эти разговоры! — закричал Мар. — Я терпеть не могу, когда не ощущаю массы своего тела.

9

Она была в простом пестром халате, распахнутом на груди, улыбалась, что-то дожевывая, когда Сухов открыл на сигнал свою дверь.

— Приятного аппетита, — пошутил Антон вместо приветствия, удивленно рассматривая одетую по-домашнему Гиату.

— Спасибо. Как видишь, мы уже соседи. Почему не приглашаешь?

— Да, безусловно, входи.

— Жена дома?

— Нет. Никого нет.

— Жаль. Мне хотелось бы повидать твою жену. Вот возьми для детей. — Гиата ткнула Сухову два батончика «Мечты». — А где они?

— Пошли в театр. У Витасика каникулы... А я отсыпаюсь после ночного дежурства.

— Я тебя разбудила? Прости. — Долго застегивала пуговицы на груди, но две так и оставила расстегнутыми. — Поверь, я не знала, что ты отдыхаешь. Пойдем, посмотришь мою лабораторию.

— Гиата...

— Ты словно боишься меня. — Она рассмеялась так чарующе, что Сухов невольно улыбнулся.

— Я очень устал, Гиата. И хочу спать.

— Вот не думала, что ты такой соня. Не поспал одну ночь и раскис. Пошли, мне нужна твоя помощь.

Антон, ругая себя в душе за слабование, ответил:

— Я сейчас, — и обреченно добавил: — Только переоденусь.

— Зачем? К чему такие формальности? Чувствуй себя со мной совершенно свободно. Пусть тебя не шокирует моя прямолинейность. Скажем, я могу спросить: не хочется ли тебе переночевать у меня, или — не желаешь ли ты сменить работу, или... в общем — что угодно... Воспринимай все как обычный вопрос. Прости, но такой у меня характер. Я очень импульсивна и непосредственна — сразу должна удовлетворить свое любопытство. Так пусть тебя ничто не удивляет. Договорились? — Гиата лукаво улыбнулась.

— Договорились. — И тоже улыбнулся.

Комната Натальи стала неузнаваемой. Прежде всего бросалось в глаза множество картин на стенах. Сухов с удивлением отметил, что на каждой одно и то же чудовище: зеленая голова с тремя глазами и многими щупальцами. Заметив его недоумение, Гиата сказала:

— Все я сама нарисовала. Это маргон.

— Маргон?

— Да. Он часто приходит ко мне во сне. Вроде бы страшный, а в самом деле такой добродушный. Я очень его люблю. С нетерпением жду каждую ночь, чтобы увидеть его. Но он не всегда приходит.

— А зачем так много одинаковых картин?

— Одинаковых? Ну что ты, Антон, разве не видишь — на каждой картине он разный. Не смотри на меня как на сумасшедшую... Хочешь, я его попрошу, он и к тебе придет?

— Нет. Благодарю. Не хочу, — ответил Сухов вполне серьезно. — А где Наталья библиотека? Ее книги?

— Остался один хлам, а не книги. Все сгорело. Библиоскопы, сам знаешь, не выдерживают высокой температуры.

— Да, знаю. Жаль...

— А мне не жаль. Зато мы теперь соседи. — Гиата на мгновение стала непохожей сама на себя, даже волосы приобрели

непривычный коричневый оттенок. — Мне запомнились слова одного человека. Как-то на старом кладбище он сказал, глядя на древние, вытесанные из камня кресты: «Нас не станет, а эти камни будут стоять». А потом мы подошли к могиле его матери с современным миниатюрным надгробием. Я спросила: «А почему вы не поставили мраморной плиты своей матери?» Он посмотрел на меня с чувством превосходства и сказал: «Зачем? Нас не будет, а камень будет? Так что — мы хуже камня? Пусть и его не останется после нас». Я спросила: «А память?» Он глянул искоса. «А память — вечна», — изрек он. Мне вдруг стало страшно, а потом легко-легко. И мне кажется, что именно с той минуты я стала такой, как вот сейчас. А какая я сейчас? Какая? Скажи, Антон.

— Что я могу тебе сказать?

От его слов Гиата будто пробудилась от сна, смешно тряхнула головой, поправила рукой прическу, и в глазах ее засветились привычные Антону холодный огонь и наигранная кротость.

— Какая странная, ужасная, бессмысленная смерть Натальи, — произнес Сухов, глядя прямо в глаза Гиате.

— Зато у меня теперь настоящая лаборатория. И совсем рядом с тобой...

— Жилсовет знает о твоём переселении?

— Безусловно, знает.

Сухов не мог объяснить причины своих сомнений, но он не верил этой женщине, не верил, и все.

«Нужно сегодня же позвонить, а лучше зайти в жилищный совет. Там хотя бы узнают, кто она, Гиата? Безумная или действительно ученая? Да, сегодня же. Или сначала посоветоваться с Миколой?»

— О чем ты задумался, Антон? — Гиата посмотрела на него лукаво и сосредоточенно, и Сухову показалось, что она читает его мысли.

— Ты же сама прекрасно знаешь, о чем я думаю...

Гиата рассмеялась.

— Прошу тебя, отрежь голову вот этой симпатяге, — неожиданно сказала она, указав взглядом на стол, где лапками вверх лежало серое существо, похожее на мышку. — И выбери мозг в серебряный стаканчик. Хорошо? А я тем временем приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Сухов крепко сжал губы, чтобы и видом своим не показать, что он думает обо всем этом, о Гиате.

Она тут же замерла и, чеканя каждое слово, тихо выговорила:

— Кажется, я ничем не провинилась перед тобой. Своих жизненных принципов не навязываю. Прежде чем осуждать кого-то, оцени собственную жизнь...

10

Переступив порог дома брата, Антон вымученно улыбнулся:

— Здравствуй. Ты, наверное, спать уже собирался?

— Я поздно ложусь. Читаю перед сном, пока не отключусь. Раздевайся. У тебя что-то случилось?

— Да нет. Хочется поговорить. Ты уж извини.

— Ты чем-то взволнован? — Микола обнял брата, потом включил все светильники, но Антон недовольно поморщился: — Не нужно столько света. Глаза режет.

Сели за стол.

— Я у тебя заночую, ладно?

— О чем ты говоришь!.. Веронике сказал, что останешься у меня?

— Веронике? — отчужденно переспросил Антон, встретился с братом взглядом и смотрел, ничего не понимая. — Я могу позвонить ей. Но она не ждет. Когда операция затягивается, я, случается, остаюсь ночевать в клинике. И часто забываю предупредить.

— Ты сейчас с работы?

— Нет. Понимаешь ли, в последнее время... Я так устаю в последнее время... Ты же слышал, что сейчас повсюду творится?

Микола удивленно поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Позавчера вызвали «скорую» и забрали прямо от операционного стола нашего анестезиолога. Психоз... Все чаще и чаще слышу этот диагноз. Ты не можешь не знать об этом.

— Да, кое-что слышал, — уклончиво произнес Микола. — А что с вашим анестезиологом?

— Он внезапно закричал: «Нет! Нет! Я на работе! Оставьте меня в покое!» А затем набросился на одного из хирургов, щекотал его и грозился: «Я тебя выведу на чистую воду, маргончик! Я тебя давно узнал!» Мы заперли его, когда он вошел в раздевалку, и вызвали машину. Микола, что происходит? Кто эти маргоны?

— Мы призраками не занимаемся, — беззаботно рассмеялся Микола. На мгновение возникло желание рассказать брату о неизвестном космическом объекте, замеченном на околоземной орбите, но воздержался, вспомнив решение Высшего Совета: «Действовать исключительно силами Совета, без разглашения, чтобы не вызвать паники и недоразумений среди населения». — К тебе же эти маргоны не приходят по ночам?

— Ко мне нет. Но к моей знакомой... У нее вся стена увешана картинами о маргонах.

— Твоя знакомая, вероятно, уже в психиатрической клинике.

— Она сейчас находится в моем доме, в восемнадцатой квартире и занимается научной деятельностью, если это можно назвать так...

— Как зовут твою знакомую?

— Гиата Биос. Если она и безумная, то это ее обычное состояние.

— Вот как? Ты давно ее знаешь?

— Совсем недавно. Познакомился с ней очень странно. Мы вместе с Митрофаном, с тем самым анестезиологом, которого позавчера забрала «скорая», ехали на машине, а у обочины магистрали стояла женщина с ребенком на руках. Мне почему-то захотелось их подвезти. Митрофан еще высмеял меня: мол, напрасно рыцарствую. Но мы остановились, и она села. А потом началось...

Он рассказал все, как было, и задумался, вспоминая, не забыл ли чего!

— Ты переутомился, — спокойно сказал Микола. — Но если еще будешь у Гиаты, попробуй расспросить ее о маргонах. Любые мелочи могут оказаться полезными.

— Вы занимаетесь этим? — обрадовался Антон.

— Психозы, если их следует называть так... — начал Микола, но тут же и умолк. — Не волнуйся. Я уверен, что очень скоро удастся докопаться до первопричины.

— Расскажи. Я буду молчать, клянусь.

Микола посмотрел на брата устало и сочувственно:

— Я и сам ничего не знаю, Антон. К сожалению...

11

— В чем дело, Дирар? Ты слышишь, как они плачут?

— Воют. Голодные.

— А что случилось?

— Неисправность автоматической кухни. Это твоя вина, Мар.

— Что-нибудь серьезное?

— Не знаю. Но они все погибнут, если ремонт затянется.

— Неужели нельзя ничего придумать?

— Придумай.

— Вообще-то, меня давно беспокоила эта затея Чара. Зачем нужно было закладывать в генетическую программу каров потребность разрывать зубами каждого, кто захочет накормить их?

— Накормить — значит, приручить. Чару у таких, как ты, ума не занимать.

— Можешь не разоряться, он тебя сейчас все равно не слышит.

— Чар все слышит и все видит. Но если бы и не слышал, я все равно скажу, что Чар в твоих советах не нуждается. Он сам знает, что делать. Что это за оборотень, которого можно приручить...

— Пускай Чар все видит и все слышит, но я тоже хочу нормально существовать. Он далеко, а земляне близко! Каждая встреча с ними — как капля отравы. И меня это бесит!

— Успокойся.

— А что с теми выродками делать, если не будет отремонтирована вовремя система автоматического кормления?

— Не знаю. Может, придется уничтожить.

— И опять выхаживать новых? Эти уже доросли до запуска на Землю.

— Как жалобно плачут! Только недели через две мы сможем вживить им универсальные энергоблоки. И все это время кормить их нужно стационарно.

— Вызови Беларара. Он сумеет помочь. Превосходный робот.

— Сто седьмой! Приказываю выйти в тамбур сектора номер три! Сто седьмому приказываю выйти в тамбур третьего сектора!

— Включи аварийный сигнал.

— Сто седьмой! Приказываю немедленно выйти!

- Вызывай сто восьмого!
- Сто восьмой! Немедленно выйти в тамбур третьего сектора!
- Там что-то случилось. Беларар сразу вышел бы после вызова.
- Брунар, что со сто седьмым? Почему не выходит?
- Очень неприятный случай, маргоны. Я даже не успел доложить... Это произошло только что. Беларар имел неосторожность имитировать автоматическое кормление. И они его разорвали. Ведь это же кары! С ними нельзя расслабляться, а Беларар был слишком чувствительным роботом.
- Когда ты сможешь наладить автоматическое кормление?
- Точно не знаю. Без Беларара. Такого мастера нет.
- Понятно. Значит, каров нужно немедленно уничтожить.
- Послушайте сто восьмого!
- Что ты хочешь сказать?
- Я понимаю, что я обыкновенный робот, но... Мне кажется, не следует уничтожать каров. Предлагаю заслать эту группу на Землю недозрелыми. Они уже очень похожи на земных собак, и никто ничего не заподозрит. Можно считать это экспериментом. Возможно, некоторые из них сумеют дозреть на Земле, если удачно перейдут на режим самостоятельного питания.
- Ты толковый робот, Брунар. Спасибо за удачную мысль. Очень интересный эксперимент. Пускай теперь на Земле поломают головы, как из собак вырастают люди. Паника поднимется. Если выживет хотя бы несколько... Нужно доложить Чару. Думаю, эта идея ему понравится.

12

Председатель жилищного совета долго смотрел на Сухова-старшего.

— В определенном смысле я могу вас понять. Ваше удивление и ваш интерес... Дело в том, что я знаком с Гиатой.

— Вы давно ее знаете? — спросил Сухов.

— Сравнительно недавно. Но, надеюсь, вы согласитесь со мной, что для того, чтобы по-настоящему узнать человека... Одним словом, необязательно пуд соли есть всю жизнь. Не так ли?

— Так вы согласны со мной, что Гиата Биос — человек очень...

— Очень странная она человек, — решительно перебил его председатель. — С этим нельзя не согласиться. Но, впрочем, у вас гораздо большие возможности, — утомленно произнес он. — Поэтому вам, простите, больше оснований утверждать — больная она или здоровая. А я, увольте, в вундеркиндах не разбираюсь.

Сухов-старший заявил:

— Уверен, она не больная. Больных людей председатели жилсоветов не боятся.

— Вы ошибаетесь. Я не боюсь ее. Но мне, честно говоря, трудно определить свое отношение к Гиате Биос.

— Почему?

— Понимаете ли, жизнь меня научила: не следует быть слишком категоричным в своих утверждениях.

— Поверьте, я пришел к вам не просто так. Надеюсь, это понятно?

— Да. Но поймите и меня: я ее не боюсь. Она, конечно, очень интересная, сказал бы даже, привлекательная женщина...

Микола Сухов неожиданно для самого себя рассмеялся. Никак не ожидал, что беседа перейдет на тему об отношениях между мужчинами и женщинами.

— Простите, но мне, как представителю власти, сложно говорить...

— А от вас никто этого не требует! — заявил Сухов. — Меня не интересуют ваши личные отношения с Гиатой Биос. Я пришел к председателю жилищного совета и требую серьезного разговора.

— Вас удивляют ее эксперименты?

— Да. И то, в частности, что она вселилась в помещение трагически погибшей старой женщины. С вашей помощью вселилась. Имею основание подозревать, что смерть эта не была случайной.

— Для меня Гиата Биос не просто житель нашего города, она, как акселерат-вундеркинд, требует особого внимания. Ведь ей, — он перешел на шепот, — всего три с половиной года от рождения! Представляете? Я не видел никаких оснований отказать ей в желании иметь собственную лабораторию. Но если вы настаиваете... давайте создадим квалифицированную комиссию...

Пауза затянулась. Сухов не знал, как теперь быть. Он впервые услышал, что не только Серафим Гиаты, но и она сама — акселерат-вундеркинд.

13

Сказать определенно, что он услышал какой-либо звук, Антон не мог. Ему лишь показалось, что прозвучал входной сигнал, и он поднялся из-за стола, дочитывая абзац в монографии «Особенности биохимических реакций и хирургических больных при длительном режиме искусственного дыхания».

Ощущение того, что кто-то стоит за дверью его квартиры, было настолько реальным, назойливым, что он приоткрыл дверь и выглянул. Никого.

И тут он услышал тихое повизгивание. На полу сидел маленький рыжий щенок, беспомощное живое существо.

Щенок скулил жалобно, настойчиво.

Антон наклонился, взял в руки маленький лохматый клубочек.

— Откуда ты такой?

Щенок как-то не по-собачьи пискнул.

— Как же тебя назвать? Рыжиком или... просто Приблудой?

— Тяв-ав!

— О, да ты уже с характером, — улыбнулся Антон.

Он внес песика в свою комнату, постелил на полу в уголке свой старый плащ, поставил рядом мисочку, накрошил хлеба и полил вчерашним бульоном.

— Спать, дружок, спать! Куда тебя утром дену, ума не приложу. Ну ладно, придумаем. Правда, Рыжик? Утро вечера мудренее.

Щенок слушал так внимательно, будто понимал каждое слово.

— Хочешь есть?

Приблуда подполз к мисочке, полакал немножко, а потом вновь поднял взгляд, словно спрашивал: есть еще или уже нельзя? Сухов с улыбкой смотрел на него. Затем нашел тюбик с пастой «Уни». Собачке паста понравилась.

— Смешной ты, Приблуда. Такой комичный. Ну, спать!

— Тяв-ав!

А утром Антон с удивлением заметил, что щенок заметно подрос за ночь. Бросилось в глаза и то, что цвет шерсти посветлел, стал уже не рыжим, а соломенно-желтым. Показалось, что и продолговатые черты собачьей мордочки вроде бы притупились. Однако Сухов объяснил все это своим переутомлением и буйной фантазией.

Он сменил воду в мисочке, попросил Веронику, которая выходила на работу чуть позднее, чтобы не сердилась за то, что взял Приблуду в дом. Жаль, мол, стало живое существо. И детям будет радость. Вероника, к удивлению Антона, не возмутилась и восприняла появление Приблуды просветленным, кротким взглядом.

— Такой милый песик!

Во взгляде Вероники — тепло и покладистость. Как в прежние времена. И всплыло в памяти давнее, волнующее. Захлестнула на миг томительная нега.

Сухов встрепенулся, с металлическими нотками в голосе проворчал:

— Мне пора бежать. А ты не обижай Приблуду. Пусть поживет у нас. Я постараюсь сегодня прийти пораньше. Если удастся.

Вероника оставила его обычные слова без внимания. Склонилась над рыжеватым щенком, ласкала его. Антону даже захотелось самому стать таким же рыжим, лохматым и бездомным.

Вечером Сухов убедился — собачонка действительно растет очень быстро. И не просто растет. Приблуда изменялся. Менялся цвет шерсти, менялся абрис мордочки.

— Что же из тебя вырастет, Приблуда?

— Тяв-ав-ав!

На следующее утро Сухов ушел из дома рано.

Витасик с Аленкой подошли к маленькому песику, по очереди погладили его.

— Какой ты забавный! Как хорошо, что к нам приблудился! Мне с тобой почти так же хорошо, как с Антиком. Даже лучше, потому что ты живой, хотя и не умеешь разговаривать.

— Тяв! Гав!

«Я с самого появления на свет знал их язык. Я оказался неполноценным, и единственное, что заложено во мне в полной мере, — это желание жить. Может, мне все-таки удастся стать настоящим каром — во всем похожим на людей и одновременно во всем отличающимся. Какое это счастье — знать, кем ты станешь завтра, послезавтра, знать свое предназначение, ощу-

щать развитый ум взрослого существа в маленьком тельце щенка...»

— Ты просто чудненький. Как же тебя назвать? Папа назвал тебя Приблудой, а нам не нравится.

— Гав!

— И тебе тоже не нравится? А как же тебя назвать?

«Я чувствую, как осыпается моя шерсть под их маленькими ладошками. Чувствую, как расту с каждой минутой, как меняются очертания моего тела...»

— Ну, мне нужно идти, песик. Аленку в садик отвести, а потом, до школы, обещал с товарищем встретиться. Завтра у нас контрольная по математике...

— Вечером мы с тобой поиграем, — весело перебила Аленка.

«И знаю, каким стану завтра. Каждую минуту, каждое мгновение я становлюсь СОБОЙ. Сходит с меня моя рыжая шубка, моя шерсть. Прекрасно!..»

Возвратившись вечером домой, Вероника не сразу сообразила, откуда взялись рыжие клочья на полу, на столе.

— Витасик! — позвала она. — Аленка!

Но детей не было дома. Вероника, не раздеваясь, взяла пылесос, включила его, и тут ее осенило — это шерсть Приблуды. Заглянула в комнату Антона, где она оставила щенка. Его там не было.

Случайно открыла шкаф и испуганно отпрянула. В шкафу, свернувшись, спало совершенно голое, без шерсти, существо. Ребра под розовой кожей ритмично поднимались и опускались.

Вероника стояла бледная, обескураженная. Приблуда вздрогнул, открыл глаза и порывисто, как это обычно делал Антон, сел. Именно сел, а не встал на лапы, свесив передние конечности вдоль туловища.

— А-а-ав...

— Что случилось? — хрипло выдавила из себя Вероника. И тут же поймала себя на мысли, что обратилась к собаке. Даже мурашки пробежали по спине.

— Авава! — зевнул Приблуда.

Веронике показалось, что собака улыбается.

— Что? Чего ты хочешь? Что с тобой произошло? Как все это понимать? — бормотала Вероника.

— Авава. Вава.

Чудище подошло к пылесосу и правой лапой — Веронике вдруг привиделось, что лапа Приблуды чем-то напоминала человеческую руку, — нажало на клавишу.

Стараясь не смотреть на Приблуду, Вероника взяла пылесос и пошла к мусоропроводу, выбросила, брезгливо морщась, ком рыжей шерсти.

Когда Вероника вернулась, Приблуда сидел на ковре, по-восточному скрестив ноги, морда его почти не походила уже на собачью, застывшая без движений фигура напоминала древнего идола.

Веронике показалось, что она совершенно теряет чувство реальности. Галлюцинации?

Приблуда махнул лапой и выдавил из себя:

— Бавар-р-р-р. Вевер-р-рон...

Он вновь улыбнулся, разинув пасть. И тут же разом обмяк, будто увял, повалился на левый бок и закрыл глаза. Казалось, что он умер. Но Приблуда дышал. Ровно, глубоко. Он спал.

С чувством жалости, омерзения и невероятного удивления Вероника отнесла Приблуду в кабинет к Антону, положила в углу на плащ.

Вечером принесли мертвого кота Юпитера. Вероника открыла дверь, предполагая увидеть мужа и собираясь сказать свое равнодушно-традиционное: «Где ты был? Я звонила в клинику...» — хотя никогда она в клинику не звонила, даже радуясь порою, что он не торопится домой... Но в тот поздний вечер, когда Приблуда так напугал ее, Вероника с нетерпением ждала Антона.

У двери стояли дети из их двора.

— Простите, это ваш кот? — печально сказал мальчик. — Мы случайно нашли его за трансформаторной будкой.

Юпитер расслабленно, как пушистая тряпка, лежал на руках мальчика.

Из комнаты выбежали Аленка и Витасик. Аленка расплакалась.

У Юпитера оказалось прокушенным горло. Маленькая, едва заметная ранка на шее под шерстью, окрашенной кровью.

Антон Сухов вернулся домой очень поздно. Жена и дети спали.

Он тихо вошел в свою комнату, включил свет и, повернувшись, остолбенел: за его рабочим столом сидел... Серафим.

Антон почувствовал, что его охватывает химерическое, жуткое состояние, как при встречах с Гиатой.

— Как ты оказался у меня?

— А ты не помнишь? Ты сам внес меня в эту комнату. Ты назвал меня Приблудой. Просто я немножко вырос с тех пор.

Темные круги поплыли перед глазами Сухова. Он пытался что-то понять.

— Ты не Серафим?

— Не знаю. Ты хочешь назвать меня Серафимом? Хорошо, я буду Серафимом. Спасибо тебе, что взял в свою комнату. Я погиб бы от голода, если бы еще немного полежал под дверью. Спасибо.

— Кто ты? — прошептал Сухов пересохшими губами, садясь на краешек дивана. — Как ты... Если ты и вправду... тот рыжий щенок... Как ты попал к моим дверям?

Ужас сковал его, и он уже не понимал, что говорит.

— Как попал? Не знаю. Но я все припомню. Завтра. Или чуть позже. А сейчас давай спать. Я хотел бы лечь с тобой. Можно? Мне не хочется спать на полу.

— Со мной?

— Да. Можно?

— Гм-гм... Сейчас я постелю. Подожди немного.

Антон вышел из комнаты медленно, но, как только прикрыл дверь, бегом на цыпочках кинулся в комнату Вероники. Не включая света, тронул ее за плечо. Она сразу проснулась.

— Антон? Наконец-то! Ты всегда так поздно приходишь... — В ее голосе, к большому удивлению Сухова, не было раздражения, звучали полузабытые, но так знакомые ему нотки... Как в пору их молодости. — Ты заходил уже в свою комнату?

— Да.

— И видел Приблуду?

— Да.

— Испугался?

— Расскажи, что тут произошло у вас.

— Я пришла с работы. Первое, что заметила, — клочья рыжей шерсти по всей квартире.

И Вероника рассказала все по порядку. И о Юпитере.

— Ты давно его видела?

— Кого?

— Приблуду.

— Говорю же тебе, что он уснул, и я положила его в твоей комнате. Это было вечером, в шесть.

— И после этого ты не заходила в комнату?

— Я боялась, Антон. Очень боялась. Даже дверь закрыла на ключ. И детям запретила входить.

Вероника долго не могла попасть ногами в пушистые тапочки.

Ручка двери казалась непривычно холодной.

Серафим сидел за столом и что-то рисовал на листке бумаги.

— Кто это?!

Вероника застыла на пороге, побледнела.

Сухову показалось, что и за прошедшие несколько минут Серафим еще подрос.

— Это он?

Сухов кивнул.

— Как же это, Антон? Как же это?!

Вероника вдруг закричала и бросилась бежать, но, запутавшись в длинной сорочке, упала в коридоре. Тело ее содрогалось, как от рыданий, но глаза были сухими. Антон подбежал, зажал ей рот ладонью.

— Детей разбудишь.

А она смотрела на него блуждающими глазами и, когда он убрал руку, начала бессмысленно повторять:

— Как же это, Антон? Как же это?!

— Я понимаю не больше тебя. — Сухов старался сохранить на лице маску беззаботного спокойствия. — Но ты успокойся. Разве так можно?!

Открылась дверь, и появились заспанные Аленка и Витасик.

— Что с мамой?

— Ничего. Спите, дети. Мама очень испугалась...

— Это я ее напугал! — прозвучал вдруг резкий голос Серафима. — Но я никого не пугал, одно мое присутствие... Простите. И большая благодарность за то, что не дали погибнуть от голода, холода и как там у вас говорится. Спасибо. И особенно вам, Вероника. Давайте знакомиться. — Серафим взглянул на детей, они, как маленькие галчата, разинули рты. — Ваш муж, Вероника, а ваш папа, дети, назвал меня Серафимом. Итак, я — Серафим! — Он протянул руку сначала Веронике, сидевшей на полу и смотревшей на все затаманенными глаза-

ми, потом Витасику с Аленкой. — Кстати, Витасик, не найдется ли у тебя штанишек и рубашечки? Видишь, я совсем голый, — Серафим похлопал себя по животу и звонко рассмеялся. — А сейчас нужно спать. Время уже позднее. Пошли, Антон.

Вероника через силу пыталась встать с пола. Сухов помог ей подняться.

— Антон, нам нужно поговорить. Помогите мне дойти до кровати. Мне плохо.

На кровать Вероника просто упала.

— Ты назвал его Серафимом?

— Да.

— Взял и назвал? Ты даже не удивился, не испугался. Как это понимать? — Вероника всхлипывала, часто дышала. — Ты знал, что так случится? Ты знал?!

— Я ничего не знал. Напрасно ты... Я тоже испугался сначала. Но... Этот, не знаешь, как и назвать его, напомнил мне мальчика, одного вундеркинда. И когда я вошел в комнату, мне показалось, что именно тот самый Серафим пришел ко мне. Понимаешь? Я обратился к нему, назвав имя знакомого. А он и говорит: «Если хотите, то зовите меня Серафимом». Вот и все...

— Мне страшно, Антон. Юпитера он загрыз! — внезапно закричала Вероника и сама себе закрыла рот рукой, а затем продолжила шепотом: — Я уверена, что он его загрыз. Твой Серафим.

— Оставь...

— Не мог же я без настоящей пищи гулять целый день. Я расту. — Серафим стоял в дверях комнаты, сложив руки на груди. — Я расту, вы сами видите. И мне многое нужно. Если бы я... Честно говоря, другого выхода у меня не было. А Юпитеру — очень старый кот, старая кровь, старый мозг... Не понимаю, чего ради горевать. Ничто не вечно в этом мире. Зато у нас появилась счастливая возможность общаться. И поверьте мне, вы еще поблагодарите судьбу. Вот я немного подрасту и смогу стать вам очень полезным. Вот увидите, как славнo мы с вами проживем. При условии, понятно, если... не будем торопиться.

— Мамочка, — послышался умоляющий голос Витасика из соседней комнаты. — Мамочка, можно мы с Аленкой придем спать к тебе?

Серафим решительно подошел к Антону:

— Пошли и мы спать. Нам с тобой еще нужно немного поговорить. А они пускай успокоятся.

— Не волнуйся, Вероника, — попытался успокоить ее Антон. — Со временем все встанет на свои места. Любые химеры всегда имеют вполне реальные объяснения. Постарайся заснуть.

— Уходи! Убирайся со своим Серафимом! — прошипела Вероника, но Антон не обиделся и никак не отреагировал на ее грубость. Он сам едва держался, чтобы не сорваться и не закричать, подобно Веронике.

Когда они вошли в кабинет, Серафим по-деловому приказал:

— Запри дверь. Я уверен, что нас могут подслушивать.

Сухов запер дверь на ключ, пытаясь скрыть свое состояние. Достал из стенного шкафа постель. Движения его казались спокойными, предельно расчетливыми, Серафим наблюдал за ним, сидя в кресле.

Вдруг он воскликнул:

— Ну, хоть ты успокоишься наконец-то? Чего испугался? Ну, можно понять Веронику... — Серафим так искусно скопировал выражение испуганного лица Вероники, что Сухов криво улыбнулся. — А ты, как вижу, только бодрись. Я очень признателен тебе за все. Возьми себя в руки. Ничего страшного не случилось.

— Расскажи-ка лучше, кто ты и каким образом попал к нам?

— Сначала ты должен успокоиться.

— Я совершенно спокоен.

— Меня не обманешь. Я читаю твои мысли.

— Расскажи, как ты попал сюда.

— Сам не знаю. Но вспомню...

Сухов вздохнул. Судя по всему, поспать и восстановить силы перед завтрашней сложной операцией ему уже не удастся.

— Не расстраивайся, Антон, тебе хватит времени выспаться и отдохнуть, — сказал Серафим, улыбаясь. — Тебе хочется знать, как я попал сюда? Слушай. Мне помнится ночь, глубокая, темная, как колодезь. На дне того колодеца лежит мое имя. И легкое дуновение звездных мелодий колыбель мою в пространстве качает. Я помню ночь. Ночь зарождения амебы по повелению высочайшего творца. Прикосновенья помню рук железных к смятенному и теплому лицу... Ну, как я импровизирую? Не правда ли, очень талантливо? Я — вундеркинд. Продолжать?.. Да, помню все, хоть ничего не знал я, запомнилась мне ночь, вобравшая в себя день первый. Голод, страх и жажду — мне не забыть нигде и никогда. Жуть космоса не стала мне преградой, я выжил — и к людям...

— Погоди, Серафим. Завтра мы встанем пораньше, — перебил Сухов, — и до начала моей работы заглянем с тобой к моему товарищу, он сам биолог, известный ученый, ему интересно познакомиться с таким вундеркиндом, как ты... Возможно, ты останешься с ним...

— А вот этого я тебе не советовал бы делать.

— Что-о?

— Не советовал бы тебе избавляться от меня. Это не в твоих интересах. Будет очень жаль, если ты поймешь это слишком поздно... Юпитер мог бы тебе кое-что рассказать, если бы он был жив и умел разговаривать. Но, к сожалению или к счастью, те, на кого разгневался Серафим, уже не хотят ничего рассказывать, не желают делиться своей мудростью. Ты меня понял?

— Ложимся спать! — зло приказал Сухов.

— Ты действительно ничего не понял? — произнес Серафим и, внезапно приподнявшись с кресла, прыгнул легко и грациозно почти через всю комнату...

Оказавшись рядом с Антоном, сразу же укусил за шею.

— Теперь понятно? Но сегодня ничего не бойся. И вообще никогда не бойся, если станем друзьями. Искренними друзьями! Договорились? А о себе я расскажу завтра.

Выключили свет и легли вместе, как настоял Серафим. Но за-
нуть Сухову не удавалось. Он лежал неподвижно с закрыты-
ми глазами, стараясь глубоко и ровно дышать. Серафим при-
жался к нему своим маленьким тельцем. Сухов неимоверным
усилием воли сдерживал внутреннюю дрожь всего тела, опа-
саясь пароксизма истерических конвульсий. Внушал себе уми-
ротворенность и спокойствие... Но безрезультатно. Сердце бе-
шено колотилось. В голове стоял гул. Серафим несколько раз
за ночь тихо спрашивал:

— Почему не спишь?

Но Сухов ничего не отвечал ему.

— Не хочешь со мной разговаривать? Ну, как знаешь.

Утром, выбравшись из-под одеяла, Серафим спросил:

— Мне кажется, ты согласился со мной. Правда? Оставь мне
поесть, да побольше, а сам иди на работу. Я тебя буду ждать.
И не вздумай наделать глупостей! — сказал поучительно, под-
няв палец.

Антону нестерпимо захотелось стукнуть вундеркинда и
пнуть еще ногой, как нашкодившего щенка. Но сдержал себя.
Посмотрел искоса: почувствовал ли Серафим его порыв? По-
казалось, что тот ничего не заметил. Это его успокоило.

— Ладно, — сказал он. — Поест найдешь в холодильнике.
Да на плите Вероника всегда что-нибудь оставляет. Ты, я ви-
жу, такой, что не пропадешь. До вечера.

14

Во время операции Сухову стало плохо. Перед глазами по-
плыли фиолетовые круги, затем красные, а потом начала на-
валиваться серая пелена забытья. Сухов успел отойти от опера-
ционного стола, сел на стульчик и потерял сознание. Коллеги
с трудом привели его в чувство. Другие бросились искать ему
замену, опасаясь за больного, оставшегося на столе.

После третьего укола Антон Сухов наконец открыл глаза.

— Простите, хлопцы... Что со мною?

— Как себя чувствуешь? Отвезти тебя домой или полежишь
немного в родной клинике?

Ложиться в палату Сухов отказался, но и возвращаться
домой...

— Я малость посижу. А там видно будет.

Он колебался: не рассказать ли прямо сейчас обо всем? По-
нимал: говорить можно не с каждым. Прежде всего нужно
связаться с братом, пусть Высший Совет Земли решает, какие
службы поднять на ноги. Но в то же время Сухова не остав-
лял страх. И за себя, и за детей. Вдруг вспомнил прикоснове-
ние зубов Серафима к своей шее... Начал убеждать себя, что
не следует спешить, нужно сориентироваться. Может, сами со-
бой улягутся страхи, разрешатся проблемы? Но чувствовал: са-
мо собой ничего не произойдет. «Почему я сейчас такой? —
спрашивал мысленно себя. — Как послушная кукла. Я — по-
слушная кукла. Юпитера нашли убитым. День солнечный.
Все вокруг как в кривом зеркале. Трудно дышать... А дома
ждет Серафим. Нужно немедленно позвонить Микеле! Кружит-
ся голова. Нет, подожду, страшно...»

— Я поеду домой, хлопцы. Простите. Все будет хорошо.

По дороге в машине-такси у Сухова пошла носом кровь.

«Случись это несколькими минутами раньше, меня бы госпитализировали, — подумал Сухов. — И, пожалуй, так было бы лучше. Дома Серафим. Без присмотра... Страшно подумать...»

Подойдя к двери, Антон долго стоял в нерешительности, опасался заходить, боялся увидеть то, что и представить себе трудно.

Однако ничего не случилось. И Серафим почти не изменился, хотя и порос заметно, но никаких метаморфоз с ним не произошло.

Серафим вышел к Сухову из его кабинета, одетый в старый костюм Витасика, с книжкой в руках.

— Молодец, Антон. Сегодня ты не поздно. А я читаю. Заинтересовался «Диалектикой существования». У тебя неплохая библиотека. Мне нравится у тебя.

— Ты что-нибудь ел?

— Да. Спасибо. Я прекрасно позавтракал. Я съел твою Веронику.

Антон побледнел.

— Ну какой же ты... Пошутил я. Все в порядке с твоей Вероникой. Витасик в школе. Аленку я сам в садик отвел...

— Ты отвел?

— А почему ты удивляешься? Или недоволен? Мог бы и сам отвести дочку в садик пораньше, — произнес Серафим, точно копируя интонации Вероники, когда она в плохом настроении.

— А как Вероника восприняла это?

— Вероника? Она уже не боится меня. И даже полюбила. С ней мы ладили. Не волнуйся. Пошли к тебе в кабинет, нужно серьезно поговорить.

Взяв Антона за руку, Серафим повел его в кабинет.

— Садись. Вчера ты хотел услышать, откуда я свалился на твою голову. Сейчас все расскажу. Но слушай внимательно, не торопись с выводами. И... верь каждому моему слову, иначе сказанное потеряет всякий смысл.

— Продолжишь читать свою поэму? — довольно грубо перебил его Сухов. — Я помню ночь, и колыбельку, и колодец... Так, кажется?

— Напрасно иронизируешь, — чеканя каждое слово, произнес Серафим. — Это лишний раз доказывает то, что земляне пребывают на низком уровне развития. Вот так, Сухов. Надеюсь, ты все же понял из моих слов, что я существо неземное. Но создан подобно землянам.

Сухов опустился в кресло за столом.

— Почему ты такой бледный? Плохо чувствуешь себя?

— Устал очень.

— Может, отдохнешь?

— Нет. Все в порядке. Рассказывай дальше.

— Я действительно помню ту ночь, когда меня создали. Мне кажется, что помню себя даже одноклеточным. Вокруг — какая-то мерцающая темнота, живая темнота. — Серафим, зажмурив глаза, говорил приглушенно, заговорщически. — Я чувствовал, понимал ту темноту всем своим существом, всем телом.

Она была доброй, та ночь, ночь моего рождения. Клетка разделилась, и поначалу мне казалось, что я стал существовать в двух особях, но очень быстро понял: мы настолько зависимы друг от друга, что составляем нерасторжимое целое. Потом каждая из этих клеток разделилась, затем следующие... Я очень быстро привык к собственной множественности. Антон, дай мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш... Благодарю... Итак, я постепенно рос. И вот, в какое-то мгновение ночь взорвалась — и я прозрел. Я не был от этого в восторге; каждая клеточка болела. Но мне предстояло развиваться дальше. — Серафим говорил и одновременно рисовал что-то на бумаге. — Знаешь, Антон, как странно и неприятно сознавать собственные щедушные и уродство. Огромная голова, хвост...

Отложив карандаш, Серафим протянул Антону рисунок.

— Вот посмотри, нравятся тебе такие существа?

На рисунке было изображено нечто походившее на спрута или кальмара, но щупальца располагались по три — сверху и снизу.

— Милое созданище... Это ты таким был?

— Нет. Таким я не был. Но скажи честно, что ты подумал бы, если бы встретился с таким вот, но только живым?

— А где же твоя способность читать мои мысли?

— Мне хочется, чтобы ты сам сказал это. Чтение мыслей требует много энергии.

— Я тебе уже сказал: милое созданище. — У Сухова по коже побежали мурашки. Он прекрасно сознавал: все это не сон, не бредовые видения, но воспринимать болтовню Серафима серьезно никак не мог.

— Короче говоря, вот так выглядят те, кто создал меня. Вообще-то, они могут приобретать любые формы, превращаться в кого угодно, но на самом деле они именно такие, как я рисовал. Они — вершина совершенства... Но, знаешь, мне нужно хорошенько поесть, а потом мы закончим разговор. Скажу только, что называют они себя маргонами. Прилетели из невообразимой дали. Они очень разумные, мудрые существа. Хотят осесть на Земле, хотят поднять землян на высший уровень развития. И ты, Сухов, должен помочь мне, помочь маргонам... Ну, пошли есть!

Серафим жадно глотал все подряд и никак не мог наесться. Впивался зубами в пищу и рвал ее, как дикий зверь. И чему-то улыбался.

— Спасибо, Сухов! — сказал он наконец. — Итак, продолжим. Маргоны — это далекая высокоразвитая цивилизация, которая стремится помочь землянам в их развитии.

— Прости, Серафим, мне странно и смешно, даже дико, но... Я вынужден говорить с тобой, как с совершенно взрослым, умным существом. Скажи мне, почему маргоны ведут переговоры с землянами через таких, как ты? И кто ты сам? Если ты хочешь, чтобы я что-нибудь понял, должен говорить конкретно и ясно.

— Еще конкретнее и еще ясней? — Серафим двусмысленно улыбнулся. — Очень странный ты человек. Даже мысли твои читать трудно.

— Это потому, что читать нечего, — пробурчал Сухов. —

Когда кто врет, я и сам прекрасно знаю. Состояние говорящего чувствую. Но хватит болтать... И пусть тебя не удивляет, что очутился ты именно под моей дверью. О маргонах мне известно, пожалуй, побольше, чем тебе, — сказал и пристально посмотрел на Серафима, ожидая его реакции.

Как и предполагал Антон, Серафим насторожился.

— Не понимаю, о чем ты...

— Чего ты, собственно, не понимаешь? Я сказал вполне определенно, без всяких намеков.

— Что ты знаешь о маргонах?

Сухов припоминал разговоры с Гиатой, ее картины на стенах.

— Тебе хочется услышать о маргонах от меня? — спросил Антон с иронией. — Так слушай! Они... зеленые. Форму их тела ты нарисовал правильно, — продолжал издеваться над Серафимом Антон, удивляясь, как это ему удается.

— Да, они и вправду зеленые, — пробормотал вундеркинд.

— Но временами их окраска может несколько меняться и...

— Появляются розовые оттенки, — быстро перебил Серафим, видимо, опасаясь, как бы Сухов не заподозрил его в недостаточной осведомленности.

— Я немало знаю. Знаю, наконец, что ты не маргон, — сказал Сухов, внимательно всматриваясь в лицо вундеркинда: не ошибся ли?

Серафим отвел в замешательстве взгляд в сторону.

— Да, я не маргон. Я — кар. Дитя их разума. Я — рабочий, исполнитель их воли. — И вдруг Серафим расплакался. — Ты не представляешь, Антон, как мне было жутко неделю назад. Неимоверный голод терзал! Ты знаешь, что такое настоящий голод! Я знаю!

Они стояли посреди кухни. Серафим прижался к Сухову и плакал. Антон четко ощутил: всего какой-то миг отделяет его от безумия. Но, собрав всю волю, переборол внутреннюю слабость, понял свое преимущество в этом невообразимом диалоге, и это его успокоило.

— Я мог умереть. Заснуть и погибнуть... Но спасибо...

— Мне спасибо, — тихо, но властно произнес Сухов. Чувствуя искренность слов Серафима, увереннее перешел в наступление.

— Да-да, тебе спасибо, Антон.

Серафим крепче обхватил колени Сухова, его тельце вздрагивало от рыданий.

— Я н-не знал... Я... я не мог знать. Мне... мне просто снилось, что я все знаю. В меня заложены какие-то начала знаний...

— Какая-то программа, — строго перебил его Сухов.

— Ты — маргон! — благоговейно прошептал Серафим.

Сухов многозначительно насупил брови и строго уставился на вундеркинда, как на пациента, нарушившего предписанный режим.

— Не мне ли ты хотел рассказать о далеких пришельцах и их желании помочь людям в развитии?

— Прости... Прости меня. Я уже ничего... Спасибо!.. Не дай мне погибнуть. Мне хочется жить... — твердил он, смешавшись. — Если бы ты знал, как страшно умирать от голода,

страшно не выполнить своей программы. Меня выбросили за борт, красиво выбросили... Они боялись, что мы... что я...

— Успокойся, Серафим. Все образуется. Лучше расскажи мне о чем-нибудь.

— Что ты хочешь услышать? Я все скажу.

— Ты знаешь Гиату Биос?

— Не знаю. Правда. Я не знаю ее. Кто она?

— В чем твоя миссия на Земле? — грозно спросил Антон. — Мне кажется, ты многое забыл и ведешь себя слишком беззаботно.

— Мое наз... Моя миссия? Ну... как и у каждого кара.

— Неужели? — Сухов заставил себя пренебрежительно усмехнуться. — Придется проверить, что ты вообще знаешь, кроме импровизации про ночь, колодец и колыбель. Итак, я слушаю.

— О чем ты хочешь услышать, Антон?

— Не скули! Живо: земное назначение каждого кара. Повтори слово в слово. Мне кажется, что у тебя не голова, а решето!

— Слово в слово? — переспросил вундеркинд, и Сухову на миг показалось, что он хватил лишку. Но успокоил себя, решив: инициатива пока в его руках. Страх сменился отвагой.

— Да, слово в слово, четко и однозначно.

— Каждый кар, соответственно с ситуацией принимая то или иное обличье, — затараторил Серафим, судорожно всхлипывая при вдохе, — должен разграничивать всех землян на две категории: кто сможет работать на маргонов и кто работать на маргонов не сможет... Первые остаются жить под постоянным надзором и контролем каров, вторые — уничтожаются, соответственно с ситуацией... их мозг и кровь используются для питания вновь создаваемых каров...

— Так. Все правильно, — прервал его Сухов, невероятным усилием воли сдерживая дрожь в голосе. — А конкретно твое задание?

Серафим долго сосредоточенно молчал, изучающе глядя на Сухова.

— Да, припомни. Иначе я не гарантирую, что все закончится для тебя нормально.

— Мое задание?

— Да! Да! Чем ты отличаешься от других каров?

— Чем я... я отличаюсь? Ты знаешь? Чем... Чем... — бессмысленно повторял Серафим и вдруг опять расплакался: — Не убивай меня... Я хочу жить. Не я виноват, что во мне дефект. Я очень старался... Дай мне еще поесть, Сухов! Только придумаю что-нибудь настоящее, ты же знаешь, что всем растущим карам нужен мозг и кровь. Тогда я стану каром. Вот увидишь! Антон, еще одного Юпитера... Хотя бы... Возможно, только этим и отличаюсь. Я не могу пока принимать живительную энергию маргонов... Пока не могу! Мне нужны мозг и кровь... Красная кровь... Пожалей меня...

— Ну ладно, пошли в кабинет. Я сделаю тебя настоящим каром.

Сухов опасался лишь одного — вдруг наркотический препарат, который он держал дома для хозяйственных нужд (в основ-

ном для мытья кистей и пульверизаторов после ремонтно-художественных авралов Вероники), окажется недостаточно действенным. Откуда ему знать, какой организм у каров? Стоит только Серафиму догадаться... Из комнаты не выйдешь. И позвонить никому не успеешь. Одолеть тщедушного с виду противника Сухов не надеялся. Представились почему-то поединки с ядовитыми змеями, хищными зверями, и воображение буйно рождало лишь драматические картины... Надежда теперь на «средство для отмывания малярных кистей».

— Давай побыстрей. Я вижу, что уже пора, — уверенно говорил Сухов. — Спустя несколько минут ты станешь настоящим каром. Несложная процедура — и ты сможешь получать энергию от маргонов.

В кабинете Антон открыл флакон фторотана, плеснул на вату и протянул ее Серафиму.

— На, подыши немножко. Ложись вот здесь и дыши. И разговаривай со мной. Все время говори. Говори обо всем, что чувствуешь.

Серафим послушно взял вату и поднес ее к носу.

— Как неприятно пахнет, — сказал он, но вдохнул глубоко. — Что это такое?

— Потом расскажу... Не теряй времени. Здесь все: и мозг, и кровь — все, что тебе нужно. Скоро ты станешь настоящим каром.

— Спасибо тебе. Я знал, что Дирар говорил мне правду. А он говорил: «Не бойся, малец, все будет хорошо. Мы позаботимся о тебе. Все будет хорошо. Вот увидишь».

— Дыши, дыши. Глубоко дыши.

— Да. Я дышу. Интересное ощущение. Будто я отрываюсь от всего, зависаю в воздухе. И лечу...

Антон еще раз плеснул из флакона на ватку.

— Говори, все время говори, все время говори. Слышишь меня?

— Слышу... Как тебя звать на самом деле? Ты давно на Земле?

— Давно. Сейчас для тебя другое важно... Дыши глубже...

Серафим закрыл глаза и улыбался.

«Это мое счастье, что фторотан подействовал. Пройдет еще несколько минут, и он уснет. Я позвоню... и этот ужас закончится».

— Я лечу. Я проваливаюсь в черный колодец. Я рождаюсь вновь, нахожу свое имя. — Серафим громко смеялся, открыл глаза, а Сухов еще раз подлил фторотана.

«Ну, еще немножко. Дыши поглубже. Сейчас пройдет стадия возбуждения... Давай, давай, Серафимчик, дыши глубже».

— Я лечу. Спасибо тебе. Я хочу жить. Я лечу. Я птица высоко в поднебесье. Как тебя звать, Сухов? Ха-ха-ха-а... Спасибо. Лебеди летят в глубокий колодец. Летят... Ночь... Ночь, вобравшая в себя день. Лечу, оставив позади голод, страх. Теперь все позади!..

— Ты проснешься настоящим каром.

Но Серафим никак не засыпал. Лежал с улыбкой на губах.

Антон был на грани реального и неведомого... вновь наплывало беспмятство. Перед глазами плыли темные круги. Что-то

теплое стекло по губам. Антон коснулся губ ладонью и увидел кровь. Он быстро отвернулся, чтобы вытереть ее тайком. Но Серафим успел заметить:

— Маргон?! Что я вижу? Красная кровь? И белые лебеди... Ты обманул меня, Антон?!

В несовершенной памяти Серафима вспыхивали вполне реальные ассоциации.

«Он не маргон. Красная кровь. У маргонов — зеленая! Он меня уничтожит. Я лечу. Белые лебеди в черный колодец... Я пью... Приходит... последний шанс! У него вкусная красная кровь. Хватит ли сил высосать его мозг? Хватит ли сил?»

Серафим отшвырнул вату с лица, вскочил. Но покачнулся и упал на диван. Сухов навалился на него всем телом, начал лить фторотан прямо на лицо. Вундеркинд кричал, вертел головой, но с каждой минутой становился все более вялым, успокаивался. Когда он обмяк, Сухов почувствовал смертельную усталость.

Когда Антону показалось, что кар перестал дышать, он метнулся в кладовку за капроновой веревкой и начал связывать Серафима, туго обматывая маленькое тельце. Завязав последний узел, подбежал к видеофону, торопливо набрал центральную справочную службу:

— Как связаться с Высшим Советом Земли?

Девушка любезно назвала ему номер и тут же спросила:

— Какой конструкции у вас аппарат?

— Сорок два В-Д-Р. А почему вы спрашиваете?

— Нажмите розовую клавишу на центральной панели.

— Благодарю. Я не знал... Забыл...

Антон Сухов нажал клавишу. Почти сразу же на экране появилось лицо худощавого человека:

— Европейский филиал Высшего Совета слушает.

Сухов уставился на экран, не имея сил произнести ни слова.

— Слушаю вас.

— Приезжайте немедленно, приезжайте! — бормотал Антон и скороговоркой назвал адрес. — Мой брат Микола Сухов... сообщите...

Серафим слегка пошевелился.

— Что у вас произошло?

— Я не знаю. Ничего не понимаю... Приезжайте... Вооруженные! Миколу скажите обязательно! Разыщите его!

— Вот как?! — поднял брови дежурный на экране.

Прежде чем отключилась связь, Антон успел еще услышать: «Седьмая спецбригада — срочный вылет!»

Серафим открыл глаза, впился в Сухова невидящим взглядом, но уже через несколько секунд его взгляд стал осмысленным, *этим*.

— Ну так что, Сухов? Ты, верно, думаешь, что поймал меня?

Антон молчал.

«Интересно, слышал ли Серафим разговор по видеофону?»

— Но я не все тебе успел сказать. Очень жаль, что мы не стали друзьями. Жаль. Но я тебя предупреждал...

Сухов бросился за другим флаконом фторотана. Когда вернулся, увидел, что Серафим уже освободил правую руку от пут. Тело кара удлинилось, становилось тоньше.

Пока он стоял, ошарашенный увиденным, кар освободил вторую руку. Флакон фторотана выпал из рук Антона, но не разбился, фторотан тонкой струйкой вытекал на пол, наполняя воздух специфическим сладковатым запахом.

Сухов совсем растерялся, не зная, что предпринять. Понимал, что теряет драгоценные секунды...

Седьмая специальная бригада прибыла через пять минут.

Входная дверь была распахнута.

Антон Сухов лежал на полу. На шее и на затылке у него были небольшие ранки, из которых сочилась кровь. Воздух был наполнен парами фторотана.

...В скверике перед домом, на детской площадке сидел мальчик лет шести и напевал песенку: «Как весело живется нам в поле среди трав...»

Когда в распахнутую пасть санитарной машины укладывали тело Антона Сухова, мальчик подошел вместе с другими детьми и спросил:

— Что это с дядей Антоном?

Ему никто не ответил.

15

Служба Околосолнечного Пространства наконец вновь заметила зону искривления. Все пункты наблюдения находились в состоянии полной готовности. Заметить в сотнях километров от Земли практически невидимый объект — дело трудное.

Таинственных пришельцев зафиксировали одновременно три патрульные машины. За несколько дней до этого на расширенном заседании Совета было решено: при обнаружении зоны искривленного пространства и в случае отказа неведомых существ вступить в контакт использовать все средства для уничтожения объекта.

Машины Высшего Совета окружили колеблющуюся, как марево, шаровидную зону. Всеми имеющимися сигналами требовали выйти на связь, но неведомые существа не отвечали.

...Мар с Дираром находились в крайне угнетенном состоянии. Они знали о решении Высшего Совета Земли и надеялись лишь на то, что землянам не удастся их обнаружить, по крайней мере так быстро. И вот настало время решать: как поступить? Надеяться на помощь или совет Чара не приходилось: времени не оставалось. Да и что им могли посоветовать на расстоянии многих световых лет? Вступить в неравный бой? Выйти на связь и согласиться на контакт? Бессмысленно. Они знали, что земляне догадывались о происхождении вундеркиндов, о причине массовых психозов. Согласиться на контакт означало в лучшем случае, как считал Дирар, стать живыми экспонатами одного из земных музеев.

— На Дираузе было веселее, — мрачно произнес Дирар.

— Не вспоминай. Мы тогда были намного моложе... А теперь я совсем не знаю, что предпринять.

- Попытаться сбежать? Теперь, пожалуй, и это не удастся.
- Не удастся.
- Если и сбежим, то Чар нам этого не простит.
- Может, все-таки пойти на контакт? Схитрить?
- Земляне нам не простят всего, что мы тут натворили.
- Что же делать?
- Есть один выход. — Мар поднялся и подошел к центральному пульту.
- Не-ет! — завопил Дирар.
- Единственный выход...

Шар дрожащего пространства ярко вспыхнул, заполнив все вокруг голубым сиянием. На экранах внешнего обзора появились контуры громадного расколотого ореха.

После самоуничтожения неведомого космического объекта Земля стала полниться слухами о множестве фантастических смертей: люди умирали внезапно, в самых неожиданных местах и позах, усыхая на глазах. Это погибали кары, лишённые энергетической поддержки из космоса. Как стало известно после всестороннего изучения остатков неизвестного объекта и этих умирающих каров, каждый из них имел вживленный универсальный энергетический блок, который питал организм кара лучистой энергией определенной частоты от генератора, расположенного на борту околоземной базы маргонов. Маргонам было необходимо держать всех каров в зависимости от себя, обеспечивая их жизнедеятельность со своей базы. Вундеркинды-акселераты, развиваясь сами и воспитывая новых каров, должны были сформировать абсолютно зависимое от маргонов могучее, жестокое ядро.

...Председатель жилищного совета нажал кнопку вызова, но в помещении никто не отзывался. Дверь оказалась незапертой.

Члены комиссии зашли друг за другом и первое, что увидели, — ребенка лет шести, лежавшего ничком на полу. Лицо его напоминало воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Гиата Биос сидела на стуле, положив руки и голову на стол. Будто заснула. Когда до нее дотронулись, тело покачнулось и упало. Пожалуй, даже не упало, а шурша, опустилось. Словно сбросили со стула зеленоватое платье Гиаты.

Сухов-старший, осунувшийся, желтый, с черной траурной ленточкой на лацкане форменной куртки, тоже был членом комиссии.

— Вы были правы, — тихо сказал председатель жилсовета. — Необходимо было раньше вмешаться...

Сухов ничего не ответил, остановился над телом Гиаты, достал камеру видеозаписи.

Он фиксировал все, что казалось заслуживающим внимания. Особенно долго задержался возле картин, висевших на стенах.

ИСКАТЕЛЬ

Борис БАРЫШНИКОВ
Александр ТЕСЛЕНКО
Богомил РАИНОВ

Цена 60 коп.

